

CRIME & PRIVATE

анна
Данцлова

ИЗ ЖИЗНИ ЖЕН И ЛЮБОВНИЦ

Она умерла, не сыграв до конца свою главную роль...

Анна Данилова
Из жизни жен и любовниц
Серия «Crime & private»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6523473

*Анна Данилова. Из жизни жен и любовниц: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68667-4*

Аннотация

Адвокат Лиза Травина и ее помощница Глафира Кифер занимаются одновременно двумя делами. Убита юная дочь бизнесмена Блохина, Полина, и совершено покушение на Дениса Борисова. Оба дела тесно переплелись между собой: во-первых, в квартире Борисова найдена золотая сережка Полины, во-вторых, с телефона Дениса кто-то звонил девушке в ночь ее гибели. Пятнадцатилетняя красавица Полина была яркой звездой модного ночного клуба, куда частенько заглаживал и пасынок Борисова – Максим. На сногшибательную Полину в откровенно коротких юбках заглядывались все завсегдатаи клуба, но слишком солиден пост ее отца – приставать к девушке никто не осмеливался. Каждый вечер из клуба ее забирал на автомобиле любимый папочка, но в тот раз за ней почему-то никто не приехал...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	66
Глава 7	81
Глава 8	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Анна Данилова

Из жизни жен и любовниц

*Говоришь, что любишь дождь,
Но гуляешь под зонтом.
Говоришь, что любишь солнце,
Но ищешь тень, когда оно светит.
Говоришь, что любишь ветер, но,
Когда он дует, закрываешь окно.
Вот почему я боюсь,
Когда ты говоришь,
Что любишь меня.*
Боб Марли

«Crime & private» – это не только классически изящный криминальный роман, но и вечный поединок страсти и рас-судка, реальности и мечты, импульсивных эмоций и голого расчета. Судьбы героев вершит мастер психологического де-тектива Анна Данилова!

Глава 1

Вероника

Был октябрь. Начался отопительный сезон, в квартире пылали батареи, а она мерзла. Просто зуб на зуб не попадал. Еще недавно она спала в обнимку с Денисом, прижимаясь к нему всем телом, но вот уже неделю как ей приходилось спать одной на широкой кровати. Она вертелась всю ночь, пытаясь найти положение, которое помогло бы ей заснуть, но оно не находилось. То подушка казалась слишком мягкой и плоской, и тогда ей представлялось, что она продавливает ее своей слишком тяжелой головой, то одеяло – пуховое – становилось слишком легким, холодным. «Мне надо научиться спать одной», – твердила она себе, включая посреди ночи лампу, подкладывая под подушку мягкий валик и натягивая повыше второе одеяло. Надо научиться, но – пока что не получалось. Словно от нее отрезали половину. Половину Вероники отсекли, и оставшаяся часть истекала кровью и одиночеством.

Еще появилась у нее нехорошая привычка курить ночью. Вероника вставала, набрасывала теплый халат и отправлялась на кухню, наливала себе горячего чаю и закуривала сигарету. А что было делать? Бессонница – злая и опасная штука. Она выпивает из тебя все силы, оставляя лишь пустоту

и горечь от осознания собственного бессилия перед сложившимися обстоятельствами.

Два года тому назад, когда она приняла решение выйти замуж за Дениса, разве могла она предположить, что не их личные отношения, а существование на белом свете Макса и его конфликт с отчимом могут повлиять на брак? Что неприязненные отношения обоих мужчин, как она их называла (хотя Максу было всего четырнадцать), отравят их любовь и заставят Дениса бросить ее и уйти.

Понятное дело: перед тем как выйти замуж, она разговаривала с сыном, советовалась с ним, говорила, что никогда не причинит ему боль своим замужеством, если он только не захочет этого, и Макс, тогда еще двенадцатилетний, совсем мальчишка, никогда не видевший своего настоящего отца, успокоил ее, сказав, что совсем даже и не против, что дядя Денис будет жить вместе с ними. Мол, это даже «приколльно». У них могут быть общие интересы: компьютерные игры, походы в пиццерию, в цирк, который Макс так любит. Словом, он воспринял замужество матери вполне нормально, даже как-то не по-детски спокойно и мудро. «Главное, – сказал он, обнимая ее, – чтобы у тебя, мамочка, было все пучком. Чтобы ты была счастлива». Сейчас, вспоминая это, она не может не плакать. Ей кажется это несправедливым, жестоким, что все случилось именно так! Тем более что начиналось все очень даже хорошо.

Денис сразу же подружился с Максом, дарил ему дорогие

подарки, вечерами играл вместе с ним в его игры, возился с его уроками, они вместе ходили на футбол, в пиццерию, да и вообще они довольно-таки много времени проводили вместе, привыкая друг к другу, стараясь найти друг в друге все самое хорошее.

И так было до тех пор, пока Денис как-то раз, когда они были с Вероникой вдвоем, не спросил ее, почему Макс ест котлеты без гарнира.

– Ну, не знаю, – ответила она, смущаясь. – Просто ему не нравится гарнир. Если есть салат, он положит себе немного... А что, Денис?

– Да нет, ничего... Забудь. И вообще – извини... Пожа-луйста, не подумай, что мне для твоего сына жалко котлет... Это другое... Не знаю, как сказать.

* * *

Лариса, подруга, с которой Вероника поделилась этим эпизодом, прокомментировала все очень просто и по-житейски:

– Он не жмот, твой Денис. Это понятно. Иначе не купил бы тебе прекрасный «Форд», не стал бы заваливать твоего Макса такими подарками... Здесь что-то другое. Просто он воспитан традиционно, понимаешь? И ему мама на тарелку вместе с котлетами накладывала гречневую кашу или пюре, и это тоже нормально. Возможно, его семья жила скромно, и

его мама считала, что дешевле было бы съесть две котлеты и пюре, чем пять котлет, к примеру, чтобы наесться досыта... У него это с детства, от его воспитания идет, в крови это у него, вот почему он так смутился после того, как ты спросила, какая ему разница, с чем Макс ест свои котлеты...

– Так что, мне не обращать на это внимания?

– Конечно! Забудь, и живите себе дальше.

– А что с котлетами? Макс действительно не любит гарнир. Он может, к примеру, съесть просто одну жареную картошку, но котлеты ест без гарнира...

Ей вдруг стало стыдно, что она вообще говорит с подружкой на эту тему. Ведь это, в сущности, такие мелочи!

Однако буквально на следующий день после разговора с Денисом она положила Максу к котлетам пюре.

Макс ничего не сказал. Съел две котлеты, потом встал, положил себе еще две, съел их, улыбнулся и сказал, что он – мужик, что ему нужны силы или что-то в этом роде, а потому он предпочитает мясо. Вероника перехватила взгляд Дениса. И ей показалось, что он смутился. Что его вся эта сцена как-то напрягла.

Перед самым Новым годом Вероника подхватила грипп и сильно, долго болела. И раз сквозь тяжелую дремоту услышала разговор Дениса с Максом. Они беседовали в коридоре, между спальней и кухней.

– Послушай, Макс, ты уже взрослый мужик. Я с самого утра на работе, у меня весь день расписан по минутам, ты

знаешь, я зарабатываю деньги... Видишь, мать болеет. Возьми пылесос, приберись, вымой полы, посуду, свари ей куриный бульон... Все это не трудно. Проследи, чтобы она вовремя пила лекарства... Я привезу, куплю все, что нужно, ты знаешь... Но необходимо, чтобы дома было чисто, чтобы комнаты проветривались, чтобы у твоей мамы была еда. Я сейчас приготовлю ей еду на завтра, так ты согрей ей на обед суп, запеканку, принеси ей все это на подносе, завари шиповник, почаще готовь чай с лимоном... Она увидит, как ты ее любишь, и скорее поправится. Она будет чувствовать твою заботу...

Несколько секунд за дверью было тихо, после чего Вероника услышала голос сына, но ледяной, какой-то чужой:

– Ты мне не отец, а потому не указывай, как мне себя вести. Я сам все знаю и понимаю. Надо будет, сварю ей и суп, и чай заварю. И не надо изображать из себя такого уж крутого мена! Думаешь, когда тебя здесь не было, я не ухаживал за мамой? А кто в аптеку для нее ходил? Кто ей помогал? Конечно, у нас никогда не было много денег, но ничего, как-то жили, с голоду не померли... А ты, значит, думаешь, что раз у тебя много бабок, то ты можешь мне указывать, как себя надо вести?

– Макс!

– Тебя просто бесит, что я все свободное время провожу за компом, вот и все. Но это – моя жизнь, и не лезь в нее. Живешь с моей матерью, и радуйся.

– Ладно, Макс... Считай, что я тебе ничего не говорил...
– В отличие от манеры беседы Макса тон, которым Денис разговаривал с ним, был дружелюбным, осторожным.

Макс обидел Дениса. Это было очевидно. И, судя по всему, это был не первый их разговор в таком духе. Значит, при ней они стараются вести себя как отец с сыном, а наедине общаются таким вот отвратным образом?

Ей стало так больно, так тяжело на душе, что она весь оставшийся день, вплоть до вечера, проплакала. Нос у нее распух, горло болело, она постоянно кашляла, и еще эти слезы... Получается, что Макс несчастен? Он, несомненно, ревнует ее к Денису, а Дениса и вовсе ненавидит. И что теперь делать? Как ей себя вести? Конечно, надо поговорить с Максом и все ему объяснить. Признаться в том, что она случайно подслушала их разговор, что это не Денис ей передал его суть, просто так все вышло. И... что он скажет? Как себя поведет? Обманет ее, скажет, что у него прекрасные отношения с Денисом?

Вечером он заглянул к ней, чтобы сказать «спокойной ночи», и она, жестом показывая ему, чтобы он не приближался к ней – она может его заразить, – чтобы оставался на пороге спальни, спросила тихо, так, чтобы находившийся в кухне Денис не услышал:

– Макс, что у тебя с Денисом? Я слышала сегодня, как ты с ним разговаривал... У вас конфликт?

– Ничего, все нормально! – улыбнулся Макс. – С чего ты

взяла?

– Я слышала, Макс... Он просил тебя помочь по дому... пропылесосить...

– Ма, успокойся. Все нормально. Хочешь, я прямо сейчас полы помою?

– Дело же не в полах, сынок, ты все понимаешь... Скажи, что мне нужно сделать, чтобы ваши отношения наладились?

– Ма, у нас все нормально.

– Но я слышала!

– Просто я был не в духе, вот и все. Успокойся. Главное сейчас – чтобы ты выздоровела.

Она чувствовала, что между Денисом и Максом что-то происходит, хотя при ней они старались вести себя так, как если бы и на самом деле у них были прекрасные отношения. Ну или хотя бы нейтральные. Однако уже спустя месяц она стала замечать, что Макс пользуется своим положением обиженного пасынка для того, чтобы избежать любых нареканий с ее стороны. Так, к примеру, когда она глубокой ночью, чувствуя, что он не спит, заглядывала к нему в комнату и просила выключить компьютер и лечь спать, он, глядя ей прямо в глаза каким-то нехорошим взглядом, комментировал:

– Это твой муженек тебя послал, это он хочет, чтобы я поскорее уснул, чтобы не мешал вам, да?

Если он возвращался домой после полуночи – а она не знала, где он был и с кем, места себе не находила, переживала, обзванивала его друзей, – то в ответ на ее упреки он

отвечал всегда одно и то же:

– У тебя своя жизнь, у меня – своя. И оставь меня в покое. Я взрослый!

Но только – какой он взрослый?! Мальчишка, страдающий от ревности и в глубине души крепко жалеющий о том, что дал свое согласие на брак матери с Денисом. Вероника жалела сына, пыталась его как-то задобрить, но после очередного подарка всегда слышала:

– Ма, ты что, пытаешься меня купить?

Так обидно было, и главное, она никак не могла придумать, как себя вести с Максом. Вся та дружеская привязанность, которая существовала между нею и сыном и питала обоих все то время, что они жили вдвоем, помогая друг другу во всем и понимая друг друга, вдруг исчезла, уступив место ледяным упрекам или жестокой недосказанности.

– Макс, ты что, хочешь, чтобы я развелась? – спрашивала она его в порыве отчаяния, когда понимала в очередной раз, что давно устала разрываться между сыном и мужем. Спрашивала, хотя заранее знала, что – независимо от его ответа – все равно останется с Денисом, что не сможет из-за эгоизма и подростковой незрелости сына расстаться с мужчиной, которого любит и который любит ее.

– Я тебе такого не говорил, – отвечал Макс хмуро. – Ты женщина, что с тебя взять?

Он стал разговаривать с Денисом каким-то другим, странным, чужим тоном. Он вырослел, и вместе с ним выросли

его фразы, взгляды, молчание.

Конечно, он мог слышать иногда какие-то звуки, доносившиеся из их спальни. И его, возможно, бросало в дрожь от того, что он представлял себе, слыша какие-то скрипы, шорохи, голоса, постанывания...

– Денис, мы не должны делать это, когда Макс дома, – однажды, не выдержав, сказала Вероника мужу. – Думаю, именно это его раздражает.

– Но мы же и так тихо...

– Пойми, я ищу причину, из-за которой он стал так относиться к тебе, ко мне... Я не знаю, что с ним происходит...

– Просто он ревнует. Раньше ты принадлежала ему, а сейчас – мне.

– Но я не принадлежу тебе! И ему я тоже никогда не принадлежала! Я не вещь какая-то, я – сама по себе!

– Все это глупости, Вероника. Скажи своему сыну, чтобы он чистил зубы и мыл уши. Большой уже мальчик.

– Но он и так чистит зубы!

– Он курит на балконе, когда думает, что мы его не видим и ничего не чувствуем.

– Я сама в это же время начала курить.

– Плохо.

– Скажи, что я плохая и плохо воспитала своего сына!

– Он страшный эгоист, разве ты не замечаешь? А еще – лентяй, бездельник! Плохо учится, комнату свою не убирает, ему даже постель трудно застелить... Носки грязные по-

всюду!

– Денис, остановись! Ты и сам разбрасываешь свои носки!

В такие минуты и она тоже, к своему ужасу, жалела, что вышла замуж за Дениса. А как красиво все начиналось! Цветы, ухаживания, рестораны, театры, долгие прогулки по ночному городу, любовь, любовь...

И первые месяцы их совместной жизни были наполнены радостью новизны ее изменившегося положения, красивыми вещами, новой мебелью, покупкой машины для нее... Конечно, живя с новым мужчиной под одной крышей, она понимала, что романтики поубавится, появятся новые заботы, хлопоты и, возможно, возникнут разочарования, связанные с бытом. Но они благополучно пережили все это, начали привыкать друг к другу, пока наконец не поняли, что просто созданы друг для друга. И вдруг – этот беспочвенный, как она продолжала считать, конфликт Макса с Денисом. Неужели действительно – ревность?

Макс стал возвращаться домой очень поздно, запирался в своей комнате и молчал на ее просьбу открыть дверь и поговорить. Все вокруг нее как-то незаметно начало разрушаться.

– Скажи этому, своему, – говорил иногда Макс, – чтобы он вытирал воду после себя на полу в ванной.

Или:

– Скажи своему уроду, чтобы он не чавкал за столом!

Но Денис никогда не чавкал. И если он оставлял на полу

брызги от душа, она сама спешила поскорее протереть пол. То же самое она делала, когда из ванной комнаты выходил Макс. Всеми силами Вероника пыталась сгладить конфликт или вообще не доводить дело до него. Металась между сыном и мужем. Любила обоих, но по-разному и не желала никому причинить боль. Но растущее раздражение между ее мужчинами все же в один далеко не прекрасный день взорвалось настоящей бомбой, когда у Макса случилась истерика:

– Пусть этот урод уйдет! Ну пусть он уйдет, ну пожалуйста! Мне не надо от него ничего! Я ненавижу тебя, ты понял?! Без тебя мама никогда не плакала, а с тех пор, как ты пришел, она постоянно рыдает! Ты превратил ее жизнь в ад! Раньше она каждое утро делала мне бутерброды. Намазывала масло на хлеб, а появился ты – и она как бы стесняется это делать: мол, делай, Макс, сам! Это ты ей подсказал, умник?! Я-то могу намазать маслом хлеб, но мне приятно, когда это делает моя мама. Тебе этого не понять... Да и не надо! Ты нам – чужой, понимаешь?

Он нес еще много разного, абсурдного, обидного и, быть может, вполне справедливого. Все, что накопилось в его душе и мешало ему нормально жить и радоваться этой жизни. И про котлеты он вспомнил, которые теперь ему приходится есть с оглядкой, и рыбу, которую он терпеть не может, но которую она жарит Денису, как утверждает Макс, чуть ли не каждый день, и что вся квартира пахнет ненавистной ему рыбой.

Оказывается, она гладит Денису рубашки, а Макс у дает невыглаженные вещи. Но у Макса подобрался такой гардероб, что можно спокойно и не гладить вещи, они после стирки выглядят как глаженные. А вот рубашки Дениса, дорогие, хлопковые, не гладить просто невозможно, особенно если учесть, какое положение он занимает и сколько человек находится в его подчинении! Он просто обязан выглядеть чистым, опрятным, элегантным, и все такое.

Не забыл Макс и о компьютере, об Интернете. Сказал, что знает, как сильно раздражает всех их, взрослых, когда он подолгу сидит перед монитором.

— А это — вся моя жизнь, понимаете вы или нет?! Интернет — это связь с внешним миром, с моими друзьями! Это музыка и новые фильмы, это разные приколы, о которых вы и не догадываетесь. Интернет — это целый мир, и я в нем чувствую себя как рыба в воде! И оставьте меня в этой воде, не дайте мне задохнуться без моей среды!

Оказывается, он в свои четырнадцать лет повзрослел настолько, что научился оперировать сложными словами и понятиями. Но главное, что он страдал и рассказал им с Денисом о своих страданиях. И получалось, что каждая минута, проведенная в квартире рядом с Денисом, который раздражал его буквально всем, причиняет ему боль, и он не знает, как поступить, что сделать, чтобы облегчить свое существование.

В тот день и Вероника была близка к истерике. Она смот-

рела то на Макса, раскрасневшегося, взмокнувшего, растрепанного и несчастного, выплевывавшего упрёки и обвинения, то на Дениса, побледневшего и стиснувшего зубы, и понимала, что надо что-то сделать, чтобы весь этот кошмар кончился. Она даже представила себе, как идет в ванную и режет себе вены, но от представленного ей стало еще хуже. Что она этим докажет? Покалечит себя, позволит поставить себя на учет к психиатру, но самое ужасное – еще больше травмирует и без того ставшего очень нервным Макса.

Глаза ее в тот момент были полны слез, в теле дрожала каждая жилка, оно казалось слабым, хрупким. Она вдруг в какой-то момент поняла, что заболела. Что не может сдвинуться с места. Она оказалась в тупике, уткнувшись носом в воображаемый угол, такой ослепительно-белый, оштукатуренный и пахнувший влажным мелом. Влажным от ее слез, которым не было конца.

Да что в конце-то концов произошло? Ведь ничего такого, что могло бы довести подростка до такого состояния. Неужели это и есть та самая ревность мальчика к отчиму, о которой она так много читала, но к которой оказалась совершенно не готова?

* * *

Денис тем же вечером ушел. Собрался, взяв самое необходимое, сказал ей, что не хочет причинять боль Максиму, ему,

вероятно, нужно время для того, чтобы осознать, что мама вышла замуж, и ушел. Она, глядя ему в спину, перед тем как закрыть за ним дверь, хотела спросить: «Ты вернешься?» Но – не спросила. Почувствовала себя брошенной не только сыном, но и мужем. Вместо того чтобы успокоить ее, приласкать, как это бывало раньше, прижать к себе и сказать: «Мол, ничего, все утрясется, мы вместе все это переживем», – он ушел. И спина, которую она провожала взглядом, казалась ей тогда чужой. Пришел чужой мужчина, на два года стал ей родным, а потом, словно ему надоела эта роль, вновь стал для нее чужим.

– Ну и уходи, – проговорила она тихо, едва шевеля губами. Ее челюсть словно свело судорогой. Ей было так худо, что она плохо помнила, как вообще закончился этот день, этот вечер.

Спустя несколько минут ушел и Макс. Ушел – и не вернулся ночевать. Правда, позвонил, сказал, что заночует у Капитана. Капитан – было прозвище его лучшего друга, одноклассника Сергея Капитанова. Хорошая семья, родители – люди творческие, музыканты, вечно на гастролях... Неизвестно, чем подростки занимаются, пользуясь тем, что их не контролируют. Скорее всего, играют в свои компьютерные игры, погружаются в сказочные миры... Хотя, может, они курят и пьют пиво? От Макса в последнее время все чаще и чаще пахло табаком и алкоголем. Вернее, именно пивом.

Денис ушел, и жизнь Вероники остановилась. Сначала она воспринимала его уход как предательство, потом заскучала, целыми днями плакала. Денис не звонил, и это было самым страшным. Значит, он действительно бросил ее! А ведь мог бы позвонить, спросить, как она, жива ли, здорова?

Макс, видя, что мать плачет, злился на Дениса еще больше. Называл его уродом, хлопал дверями, швырял предметы, шипел какие-то еще, одному ему известные ругательства, и видно было, что он не успокоился с его уходом, что продолжает нервничать. Вероника предположила, что Макс где-то в глубине души уже и пожалел о том, что способствовал уходу Дениса.

Подружка Лариса без колебаний прокомментировала поступок Дениса как трусость в ее классическом виде. Испугался трудностей, не сумел найти общий язык с мальчишкой.

– Поскольку это вы внесли изменения в его жизнь, вы и должны были приложить все усилия, чтобы Макс не страдал, – заявила она безапелляционным тоном. – Надо было дать ему больше свободы. Хочет он играть сутками напролет в свои игры – пусть играет. Все лучше, чем шататься по улице. И замечания могли бы ему не делать. И пусть бы он ел свои котлеты, хоть десять штук за раз! Не обеднели бы! И какая разница, собственно говоря, в какой семье воспи-

тывался сам Денис и что там его мать накладывала ему в тарелку, макароны или гречку? Это его жизнь, а у вас с самого начала было заведено есть котлеты без гарнира.

– Лара, ну при чем здесь котлеты?!

– Котлеты действительно ни при чем. Но вот Денис-то раздражался каждый раз, когда видел, как твой Макс ест! И это тоже плохо. Надо было Максика оставить в покое, время все расставило бы на свои места. Как мазала ты ему хлеб маслом, так и надо было продолжать. И вообще, тебе сыну своему надо было уделять больше внимания. Видишь, Денис целыми днями пропадает на работе, а ты предложила бы Максу отправиться куда-нибудь: на пикник, на рыбалку, на концерт его любимой группы... или просто поехать с ним по магазинам и купить ему то, что он хочет. Не просто дать ему деньги, а поучаствовать в его жизни, попытаться понять, чем он живет, что ему хочется иметь, что ему нравится.

– Сейчас-то я все это понимаю, – Вероника умывалась слезами, – но тогда мне казалось, что мы с Денисом...

– Да не с Денисом надо было, а вам вдвоем – только ты и Макс! Он не должен был почувствовать, что ты отдалилась от него, что любишь Дениса больше.

Лариса не представляла, что своими разговорами она еще больше ранит Веронику.

После ухода подруги с ней случилась настоящая истерика. Вероника так плакала, что голова ее словно бы до краев наполнилась слезами и гудела, болела, кружилась. Макс нашел

ее в спальне, под одеялом, когда ее колотила нервная дрожь.

– Мудак он, твой Денис! Ну, подумаешь, поссорились, в какой семье не бывает? Уйти, хлопнуть дверью – самое простое, что можно было сделать в этой ситуации. У меня нервы сдали, признаю, но он-то – мужик, должен был вытерпеть и найти в себе силы, чтобы успокоить тебя. Ты-то в чем виновата? Ма, ты что, действительно так любишь его?

Она что-то промычала в ответ. Лицо ее опухло от слез, глаза вообще не открывались.

– Убью его, урода... – процедил сквозь зубы Макс. Глаза его – голубые – заблестели, щеки разругались. – Лучше бы его вообще не было в нашей жизни!

– Ну что ты такое говоришь?!

– Он бросил тебя, понимаешь? Ему не нужны трудности. Он ведь женился на тебе, а не на мне и моих проблемах! Ему нужна была только ты, я вам только мешал... Лучше бы я ушел... Сняли бы для меня квартиру, и все бы спокойно жили...

– Макс, но тебе же только четырнадцать!

– Скоро уже пятнадцать. Я взрослый, может, ты не заметила?

– Но не настолько же взрослый, чтобы жить отдельно!

Ей вдруг стало жаль его, своего маленького Макса, с которым они до ее встречи с Денисом так спокойно и дружно жили, преодолевая трудности, безденежье, болезни. И пусть в ее жизни не было ярких любовных переживаний, зато был

Макс, его любовь, их взаимопонимание и нежность. Но ей захотелось испытать всю полноту своей женской жизни, захотелось под мужское крыло, и – чем все это обернулось? Сейчас Макс озвучил то, о чем думал, вероятно, все эти два года, скрывая, как ему тяжело уживаться вместе с чужим для него мужчиной: жить отдельно, самостоятельно! Не рано ли ему отрываться от нее, от матери? Она всегда знала, что Макс будет рядом с ней вплоть до того дня, пока не пожелает создать собственную семью, занять жену, детей. Но до этого еще лет десять как минимум.

Нет, она не предала Макса, она не променяла его на Дениса, это – другое. И что же ей теперь делать? Может, на самом деле забыть Дениса, развестись с ним, даже не встречаясь, через адвоката, и продолжать жить дальше, как раньше, с Максом?

* * *

Время шло, Денис не звонил, не приходил – он исчез. Но и Макс тоже, казалось, одичал и теперь позволял себе все чаще и чаще ночевать у Капитана. Она знала, что они проводят ночные часы в клубах, на дискотеках, гуляют с девчонками, и как-то повлиять на сына, заставить его больше времени проводить за учебой у нее не хватало духа. Просто не было сил на убеждения, нравоучения, на скандалы. Хотелось зарыться под одеяло и ждать, ждать звонка от Дениса. Почему он

не звонит? Пусть он обиделся на Макса, но зачем вымещать свою обиду на ней, на Веронике? Разве он не понимает, как ей больно, как тяжело?

...Вот и этой ночью Макс тоже не объявился и даже не позвонил. И телефон отключил специально, чтобы она его не доставала.

Никто на свете не знал, сколько раз Вероника порывалась сама позвонить Денису, извиниться за Макса и попросить его вернуться. Но она так и не сделала этого. Каждый раз представляла себе, что Денис ей отказывает. И как тогда дальше жить? Как это пережить?

* * *

...В то утро, когда она не могла согреться и чувствовала себя всеми брошенной и непонятой, ей удалось уснуть лишь часов в шесть. И пробуждение ее совпало с теми чувствами, которые она испытывала, обнаружив себя в зоне эпицентра землетрясения. Все вокруг нее рушилось, горело, валил дым, кричали невидимые люди, стоял жуткий гул и грохот, и она понимала, что это – конец, что она совсем одна, сейчас земля под ее ногами разверзнется и она провалится в огненную пропасть...

Открыв глаза, она, словно бы еще чувствуя запах дыма, прилетевший в спальню из ее сна, поняла, что в дверь звонят. Звонят настойчиво, ритмично, страшно.

«Макс!»

Она сразу подумала о сыне, о том, что он в беде.

Набросив на ночную рубашку халат, она бросилась к двери. Увидев полицейских, обмякла и привалилась к стене.

– Что с ним? – опередила она их вопрос.

– Ваш муж жив, но находится в тяжелом состоянии... – сказал один из них с угрюмым видом.

Она нахмурилась.

– Денис?

– Вы – Вероника Николаевна Борисова?

– Да-да, проходите... – Она судорожно сжала пальцами ворот халата и впустила полицейских, которые, как ей показалось, оба были на одно лицо, высокие, статные и молодые. – Так что случилось?

Она вдруг почувствовала облегчение от того, что с Максом все в порядке, но потом, буквально через мгновение, ее охватила волна ледяного страха: Денис в тяжелом состоянии... Быть может, он сейчас умирает, а она всю ночь думала о том, как бы причинить ему боль, позвонив и сказав, что знать его больше не желает.

– Вашего мужа, Дениса Ивановича Борисова, обнаружила сегодня утром соседка. Ей кто-то позвонил в дверь, она открыла и увидела, что дверь соседней квартиры приоткрыта, ей показалось это подозрительным. Она позвонила другой соседке, они вместе вошли туда и увидели вашего мужа на полу кухни, в луже крови, с ножом в животе. Его пытались

убить, зарезать. Сейчас он находится в центральной городской больнице, думаю, вам надо поторопиться...

— Господи, какой ужас... — Она метнулась в спальню, оделась, вернулась к полицейским. — Мне с вами поехать или своим ходом?

— У нас еще один вызов, нам надо ехать. А вы отправляйтесь в больницу, мы позвоним сейчас следователю и скажем ему, где вы. Его фамилия Мирошкин. Сергей Михайлович Мирошкин. Он хороший следователь. Думаем, он поможет вам... А вы пока подумайте, попытайтесь вспомнить: может, кто-то угрожал вашему мужу, может, у него были неприятности? Кого бы вы записали в его враги, ну, вы сами все понимаете.

— Враги?..

Она как во сне вышла из квартиры, заперла ее, спустилась на лифте вниз, села в машину и поехала в больницу.

Глава 2

Макс

За ночь они выпили весь алкоголь, какой только нашелся в квартире Капитана. Макс был близок к истерике.

– Мне нужно алиби, мне нужно алиби, железное алиби, – твердил он, глотая обжигающую жидкость и чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. – Меня посадят. Мать сойдет с ума...

– Жаль, что мои предки на гастролях, они помогли бы с алиби, – говорил Капитан, высокий черноволосый парень с синими глазами. – Тебе надо было сразу же ехать домой, к матери, рассказать ей все, и уж она-то точно обеспечила бы тебе это алиби. А сейчас утро... Зря ты отключил телефон! Уж в крайнем случае объяснил бы ей все по телефону, подготовил ее. Думаю, полицейские уже нашли тело... Тебе не надо было пить, Макс. Дело-то серьезное! Давай, поезжай домой. Возьми такси, я дам тебе денег.

– У меня есть деньги, – хмуро ответил Макс и поднялся с низкого продавленного кресла, в котором увяз, как и в своих проблемах. – Ладно, Кап, я поехал. Если бы ты только знал... Хотя тебе лучше всего и не знать...

– Чего я не знаю-то?

– Ладно, как-нибудь после расскажу.

– Я думаю, все утрясется.

– Ты знаешь наших полицаев...

– Сначала объяснишь все матери, а уж она тебе посоветует, как поступить. Наймет хорошего адвоката. Деньги-то у вас есть.

– Я ничего не знаю о деньгах... Он же ушел, и откуда мне знать, оставил он что-то матери или нет? И самое отвратительное, что, если меня спросить, зачем я все это сделал, я не смогу ответить. Просто не знаю. На меня что-то нашло! Я так ненавидел его тогда... А после того, как он ушел, возненавидел еще больше. Мать плакала, я тебе говорил... У нее глаза стали совсем красными от слез. Ты знаешь, какая моя мама красивая, да и характер у нее золотой. А я – скотина! Вот такие дела.

– Ладно. Иди. Потом позвонишь или приедешь.

Макс так и не понял, испугался ли Капитан или действительно посчитал, что ему лучше всего поехать домой? Но дома-то его как раз и схватят...

Нет, он не поедет домой.

Макс вышел на улицу, зашел в ближайший супермаркет с банкоматом, снял десять тысяч рублей, сел на автобус и доехал до вокзала. Понимая, что его будут искать, он взял билет до конечной станции – Татищево. Там он переседет на автобус и отправится еще дальше, в одно из маленьких степных сел, почти вымерших и тихих. Снимет комнату у какой-нибудь старушенции и будет себе отсиживаться. Ма-

тери позвонит с вокзала, из телефона-автомата, и скажет, что он в порядке, чтобы она не переживала. А вот с сим-картой придется расстаться. Если его начнут искать, то по сим-карте быстро определяют его местонахождение. Он видел это не раз в кино.

Он купил билет, зашел в туалет и долго умывался, полоскал рот, чтобы выветрился запах алкоголя и сигарет. Хотелось быть чистым, свежим и чтобы в голове прояснилось.

В ожидании электрички Макс купил в буфете теплую булку, коробку холодного молока и позавтракал. И, только придя немного в себя, позвонил из автомата матери.

– Ма, у меня все хорошо. Никому не верь. Я люблю тебя! Не переживай.

Сказал он это на одном дыхании, боясь, что его перебьют и скажут что-то страшное. Тем более что есть что сказать.

Хорошо, что он не все рассказал Капитану. Он хоть и друг, но его-то зачем втягивать в это дело? Хотя если бы Макс ему рассказал, что произошло с ним после того, как они расстались в клубе, и если бы Кап понял его, поддержал, то друг и спрятал бы его на какой-нибудь даче. У его родителей целых три дачи, причем одну знают все друзья и знакомые, это прекрасный трехэтажный дом в сосновом бору. А вот две другие, доставшиеся им по наследству с материнской и отцовской стороны, стоят заброшенными. Продавать – жалко, много за них не дадут, но и ремонтировать их вряд ли кто станет. Вот на одной из этих дач Макс и мог бы спрятать-

ся. Капитан придумал бы что-нибудь по части продуктов, попросил бы кого-нибудь из местных приглядывать за Максом...

А, ладно! Как получилось, так и получилось.

Макс купил в киоске сигареты. Подошла электричка, он сел и покатыл в Татищево.

Глава 3

Вероника

Вероника вышла из палаты, пошатываясь. Она по-прежнему продолжала находиться в кошмарном сне. Стерильная белая палата, стерильное белое солнце, освещавшее белую кровать с лежавшим на ней белым, словно мертвым, Денисом, окутанным белыми простынями, оснащенным белыми трубками... Даже у медсестры, менявшей капельницу, были белые, словно искусственные, волосы. Вероника не удивилась бы, если бы девушка взглянула на нее белыми мертвыми глазами без зрачков.

Когда же наступит пробуждение?

– Вероника? – услышала она над самым ухом, повернулась и увидела молодого человека, русоволосого, с карими внимательными глазами. Из таких вот серьезных мужчин получают хорошие, заботливые мужья и отцы. Они никогда не повышают голоса на своих близких, на них всегда и во всем можно положиться.

– Да. А вы, вероятно, следовательно? – Она продолжала плыть по своему сну, как по прохладной зыбкой реке.

– Нам надо поговорить. Пойдемте, здесь есть зона отдыха, там стоят диваны, тихо, и нам никто не мешает.

Ухоженная огромная пальма с промытыми листьями, ко-

жанные диваны. Как много тяжелых слов услышали они за свою жизнь во время посещения больных родственниками и бесед с врачами, сколько человеческой боли им пришлось увидеть!

– Скажите, Вероника, как давно вы знакомы с Денисом Борисовым?

– Почти три года. Из них два мы состоим в браке.

– Вы знаете, что его обнаружили в своей квартире... Судя по обстановке и состоянию квартиры, ваш муж проживал там какое-то время. То есть вы жили с ним раздельно. Вы поссорились?

Вероника тотчас вспомнила все подобные сцены из кинофильмов, которые крутят по всем каналам круглые сутки. Криминальные истории, убийства, свидетели, суды, адвокаты...

– Это официальный допрос? – спросила она неуверенно.

– Да. Но вы можете не отвечать, если не хотите.

* * *

Но если она не ответит, кто знает, может, тогда они, не дай бог, заподозрят ее?

В эту минуту раздался звонок ее телефона. Номер не определился.

– Алло?

– Ма, у меня все хорошо. Никому не верь. Я люблю тебя!

Не переживай.

И все. Гудки.

Ей стало трудно дышать. А лицо – она это почувствовала – просто запылало.

Макс! Объявился! Что означают его слова «никому не верь»?! Где он был всю ночь?

«Убью его, уroda... Лучше бы его вообще не было в нашей жизни...» – вспомнила она его слова, обращенные к Денису.

Макс?! Нет, этого не может быть! Он хороший мальчик. Он не способен на убийство, а ведь это – незавершенное убийство. Незавершенное! То есть человек, пырнувший Дениса ножом в живот, хотел его убить, как же иначе? Но им не может быть Макс, не может быть...

Сейчас следователь начнет допытываться, из-за чего произошла ссора, и если она скажет правду – из-за Макса, из-за его невозможности терпеть рядом с собой Дениса, то она тем самым подпишет ему приговор. Господи, да с ней ли это все происходит?!

– Я буду говорить только в присутствии адвоката.

– Хорошо. Тогда мы поедem в прокуратуру. Сообщите своему адвокату, чтобы и он подъехал туда. Время дорого, как вы понимаете. Все слишком серьезно.

– Я не арестована?

– Нет, конечно.

– Значит, я могу сейчас поехать домой?

– Да, можете.

Лицо следователя изменилось. Вместо дежурной озабоченности на нем отразились недовольство, досада.

– Извините...

Она встала и быстрым шагом направилась в сторону ординаторской. Нашла врача, оперировавшего Дениса, начала задавать ему вопросы. Выяснила, что состояние мужа тяжелое, никто не может гарантировать благоприятного исхода дела.

Ординаторская с ее белыми шкафами, чайным столом, кафельным полом и огромными окнами тотчас распалась на пазлы, которые никак не могли собраться вместе, во рту у Вероники появился неприятный железистый привкус, после чего наступила темнота.

* * *

Она пришла в себя от мерзкого запаха нашатыря.

– Очнулись? – Она увидела склоненное над ней лицо медсестры в белой шапочке. – Вот и хорошо. Вставайте! Вот так. Быть может, мы позвоним кому-нибудь из ваших близких, чтобы они приехали за вами?

Вероника подумала, что самые близкие ее люди – это Денис и Макс. Макс исчез, Денис – исчезает...

Она приняла сидячее положение на диване, огляделась по сторонам. Ординаторская была ярко освещена лампами дневного света. Она терпеть не могла этот леденящий душу

свет. Ее дом был полон разного рода светильниками с традиционными, источавшими теплый желтый или оранжевый свет, лампочками.

Позвонила подружке Ларисе. И уже набирая ее номер, она вдруг вспомнила о матери. Это как же надо было выпасть из реального пространства, чтобы забыть собственную мать?! Или же то подсознательное, что двигало ею в тот момент, само решило за нее, кто ей по-настоящему близок? Получается, что подружка Лариса, а не мама.

Мама. Она с самого начала была против ее брака с Денисом. Предупреждала Веронику, что только Макс пострадает от этих семейных перемен. Лучше бы ей оставаться любовницей Дениса, а не женой. Тогда она останется и с Максом, и с Денисом. И будет одновременно свободна. Вот что она, ее мама, Зоя Гертель, бывшая актриса, женщина сложной судьбы (как о ней обычно писали в местных газетах) и страшная эгоистка (о чем пресса, конечно, умалчивала), думала обо всем этом.

* * *

Ларису Вероника дожидалась сидя на том же диванчике, где разговаривала со следователем. Вернее, с которым она отказалась разговаривать, чем наверняка вызвала его подозрения.

И тут вдруг – еще одно озарение. Витя! Вот кому ей нужно

позвонить! Виктор Иконников, друг Дениса, хороший, надежный человек, которому можно довериться и все рассказать. К тому же он может помочь и с адвокатом. Конечно, у него у самого полно забот, все-таки маленький ребенок, работа, сложные отношения с женой, бывшей танцовщицей. Но друзья на то и существуют, чтобы помогать в трудную минуту. А сейчас – как раз такая минута. К тому же Денис при смерти. Смерть – какое холодное, ядовитое слово!

Она позвонила Виктору.

– Виктор, это Вероника... Привет... Тут такое дело...

Она принялась сбивчиво рассказывать ему о том, что произошло в последние часы сегодняшнего дня.

– Так он жив?

– Слава богу, жив, – вздохнула она. – Но в очень, очень тяжелом состоянии. Ему сделали операцию, зашивали все внутри... Тот, кто это сделал, ранил его ножом в живот. Это, как говорит доктор, очень опасное ранение.

– Ты молодец, что, во-первых, ничего не сказала следователю. Понятное дело, что тебе нужен хороший адвокат, и я займусь этим вопросом – немедленно и безотлагательно. И во-вторых, ты хорошо сделала, что позвонила именно мне. Постарайся взять себя в руки, успокойся. Главное, что Денис жив. Все остальное устроится. Хотя постой... А зачем тебе адвокат? Они что, подозревают тебя?

– Нет, не думаю... Зачем мне было убивать Дениса... Но я думаю, – Вероника перешла на шепот, – думаю, что они

подозревают Макса, вот в чем дело!

Вот она и озвучила то, что так мучило ее все это время. Макс! Что он хотел сказать ей своим звонком, о чем предупредить? Неужели это он пытался зарезать Дениса?! Ее нежный и чувствительный мальчик?! Нет, это невозможно!

– Ты что, Вероника?! Как они могут подозревать мальчишку четырнадцати лет?

– Ему почти пятнадцать.

– Ну и что с того?

– Понимаешь, Макс не ночевал дома, я не знаю, где он был... А недавно он позвонил мне и сказал, чтобы я не переживала и никому не верила... Он сказал примерно так: «... У меня все хорошо. Никому не верь. Я люблю тебя! Не переживай...»

– Думаешь, он как-то причастен к этому... к покушению на жизнь Дениса?

– Я не знаю! Но он не пришел домой, я – повторяю – не знаю, где он был весь вечер и всю ночь, а теперь наступил день, и вдруг – этот звонок. Виктор, мне страшно! А что, если Денис умрет и окажется, что во всем виноват Макс?.. Он глупый, может, он пришел к нему и они повздорили еще раз, Макс схватил со стола нож... Боже, мне кажется, что не выдержу всего этого...

– Ну, во-первых, Денис все-таки жив. А это говорит о том, что, когда он очнется, вспомнит, с кем он поссорился и кто ранил его ножом. А у Макса просто могут быть свои дела,

вот и все! Он мог, наконец, влюбиться.

– Так что же мне сейчас делать?

– Поезжай домой и постарайся уснуть. Тебе нужны силы.

А я найду адвоката...

– Постой! Как – домой?! Мне нужно в прокуратуру, с адвокатом! Меня там ждут!

– Хорошо. Поезжай туда, а я постараюсь уладить этот вопрос. У меня есть на примете один очень хороший адвокат.

– У меня есть деньги, дома, в сейфе, ты только скажи, сколько нужно, и я заплачу.

– У меня тоже есть деньги. Я благодаря Денису хорошо устроился и неплохо зарабатываю. Думаю, сейчас настал мой черед сделать что-нибудь для него. Он же мой единственный близкий друг.

– Хорошо, давай потом поговорим о деньгах, а сейчас мне пора... Буду ждать вас в прокуратуре. Фамилия следователя Мирошкин. Господи, хоть бы это был не Макс!

Глава 4

Виктор

Виктор Иконников разговаривал с Вероникой, находясь в магазине детских товаров. Он как раз присмотрел огромного белого медведя для дочери и собирался оплатить покупку, как вдруг позвонила Вероника.

– Вам упаковать? – спросила продавщица.

– Нет, я очень спешу.

Он выбежал из магазина с медведем под мышкой, сел в машину и принялся искать визитку адвоката. С этой визиткой была связана история чудесного освобождения и оправдания его коллеги по работе, которого обвинили в убийстве жены. Женщина-адвокат, Елизавета Травина, сумела найти настоящего убийцу, и коллегу Виктора отпустили.

– Вот, Витя, если, не дай бог, влипнешь куда-нибудь, звони Лизе, она вытащит тебя из любой передраги. Не женщина – ангел! – сказал коллега Виктору за рюмкой коньяку. – Смотри, не потеряй визитку.

Вот она и пригодилась. Виктор нашел ее в своей визитнице и сразу же позвонил.

– Травина Елизавета Сергеевна?

– Да, слушаю вас.

– Моя фамилия Иконников. У моей хорошей знакомой

большие неприятности, мне нужна ваша помощь. Ваш телефон дал мне Валера Сыров, может, вы помните его?

– Да, конечно, помню.

– Так вот, мы с ним вместе работаем. Понимаете, моя знакомая сейчас в прокуратуре...

Он вкратце изложил ей суть дела, Лиза же, в свою очередь, озвучила ему приблизительную сумму гонорара.

– Мы заплатим.

– Хорошо, тогда я выезжаю. Встретимся в прокуратуре.

Вот и отлично! Главное, что она согласилась, а это уже полдела.

* * *

Сергей Михайлович Мирошкин, следователь, который должен был допрашивать Веронику, согласился подождать еще полчаса, чтобы она успела побеседовать с Травиной.

– А вы кем ей приходитесь? – спросил он Виктора, который заглянул в его кабинет, чтобы утрясти этот вопрос.

– Я друг Дениса, – занервничал Виктор. – Мы знакомы с ним сто лет, и я просто не могу себе представить человека, который мог бы пожелать смерти моему другу. Вы не знаете, что это за человек! Добрейшей души, честнейший! У него никогда не было врагов. Может, его пытались ограбить?

– Если вы его друг, так, может, ответите мне на несколько вопросов? – скучным голосом спросил Мирошкин. В его

кабинете было сильно накурено, следовательно выглядел человеком нездоровым.

– Конечно. Я знаю о Денисе буквально все!

– Тогда присаживайтесь.

Виктор сел напротив Мирошкина. Его лихорадило. Он до сих пор не мог поверить в происходящее. Но главное – Денис жив!!!

– Вы не в курсе, почему ваш друг последнее время проживал не с женой, Вероникой, а один, в своей квартире?

– Мне ничего об этом не известно. Я видел его каждый раз, когда приходил на работу... мы работаем вместе. Он – владелец солидной фирмы, мы занимаемся поставкой запчастей к иномаркам, кроме этого, мы открыли пять автомастерских, отстроили новый покрасочный цех, где я, собственно говоря, и работаю... Вы еще не видели наш новый офис! Так вот, Денис ничего не рассказывал мне о том, что он ушел от Вероники. Насколько мне известно, этот брак основывается на любви, они любят друг друга... Быть может, Денис просто зашел в свою квартиру, чтобы что-нибудь взять... Я не знаю. Но о ссоре мне ничего не известно.

– А что вы можете рассказать о сыне-подростке Вероники, Максе?

– Хороший мальчишка. Живой, смывленный, с хорошим чувством юмора...

– Какие отношения складывались между Максом и Борисовым?

– Отличные, насколько мне известно. Он относится к нему, как к сыну. Говорю же, Денис очень щедрый, он никогда и ни в чем Максy не отказывал. Когда выдавалась свободная минута, он брал его с собой на футбол, ездил с Максом на рыбалку, словом, старался как-то приблизить к себе пацана.

– А Макс?

– Ну, его чувства мне не знакомы, но внешне эта семья выглядела просто идеальной. Знаете, я иногда бываю у них, и по тому, как выглядит женщина, по ее настроению всегда можно понять, счастлива ли она. Так вот, Вероника выглядела как счастливая женщина. Это чувствовалось. Да и Денис был счастлив.

– Значит, у него не было другой женщины? Вам об этом ничего не известно?

– Ну, у кого из нас нет прошлого... Он был женат, но разошелся. Его бывшую жену зовут Катя. Она моложе Вероники. Знаете, этот тот редкий случай, когда мужчина разводится с молодой женой, чтобы жениться на более зрелой, все понимающей женщине.

– Кто был инициатором развода?

– Конечно, Катя! – воскликнул Виктор, знавший историю этой семейной драмы не понаслышке. – Завела себе любовника, встречалась с ним чуть ли не каждый день, и потом, когда уже все открылось, объяснила это тем, что мужа она совсем не видит, что он мало уделяет ей времени... Знаете,

обычная история, когда работающий, обеспечивающий жену, правда, небогатый муж оказывается еще и виновным в том, что его женушка скучает.

– Что за любовник?

– Честно говоря, он – известный в городе бизнесмен, его фамилия Чаров. Так что девушка не прогадала: снова оказалась при деньгах и бриллиантах.

– Она вышла за него замуж?

– Нет. Предпочитает свободу, – усмехнулся Виктор, в душе презирая Катю за ее вздорный характер и предательство по отношению к Денису.

В кабинете было жарко, даже душно, и Виктор вспотел. Он понял это, когда на кончике его крупного носа собралась большая капля пота, которая щекотала нос и которой он застыдился. Быстро достал носовой платок и промокнул им мокрое лицо.

– Как вы думаете, она могла бы попытаться убить своего бывшего мужа из ревности?

– Если только в порядке бреда, – развел руками Виктор. – Зачем ей его убивать, если их уже ничто не связывает?

* * *

В дверь кабинета постучали. Вошла Лиза, молодая стройная женщина с длинными русыми волосами, в черном брючном костюме. Кабинет сразу же наполнился ароматом ее ду-

ХОВ.

– Привет, Сережа. Можно?

– От тебя сегодня ландышем пахнет... И это в октябре, – устало улыбнулся Мирошкин.

– Это «Пенхалигонс», – ответила ему нежной дружеской улыбкой Елизавета Травина, пропуская впереди себя Веронику.

«Так вот она какая», – подумал Виктор, любуясь ею. Со всем, действительно, не походит на юриста. Хотя – серьезна, подтянута, явно умна. Но в ней столько женственности и шарма! А этот ландышевый запах! Он так и не понял, что она ответила Мирошкину в связи с этим ароматом. И эта женщина, как он слышал, распутывает серьезные дела, спасает людей. Удивительно!

– Присаживайтесь, – сказал Мирошкин. – Вероника Николаевна, теперь, надеюсь, вы готовы к допросу?

Виктор Иконников все это время стоял под дверью кабинета в коридоре и слышал буквально каждое слово.

– Моя клиентка находится на грани нервного срыва, поэтому не сможет сейчас отвечать на вопросы, – мягко пояснила ситуацию Лиза. – Предлагаю перенести допрос на завтра.

– Лиза, какое еще завтра?! – вскричал Мирошкин.

– Сергей Михайлович, если вам угодно, мы вам представим в самое ближайшее время справку от психиатра, где будет указано, что Вероника Николаевна...

– Ладно, Лиза, я все понял. Тогда завтра, в восемь часов, я жду вас здесь, у себя. Думаю, мы обойдемся без справок?

– Отлично! Пойдемте, Вероника Николаевна! – Лиза вышла из кабинета со своей клиенткой и вернулась к Мирошкину буквально через пару минут.

– Сережа, пожалуйста...

Больше находиться возле двери Виктор не мог, но предположил, что после их ухода между Травиной и Мирошкиным состоится разговор, который очень даже не мешало бы послушать. Но ему надо было проводить Веронику.

– Что, на самом деле все так плохо? – спросил он, беря ее под руку.

– Что ты имеешь в виду? – вздохнув, спросила она.

– Я насчет нервного срыва...

– Да брось ты, Витя... Какой еще нервный срыв?! Все дело в Максе! Его же нет, и откуда мне знать, где он и что делает? И не он ли пытался убить Дениса?.. Просто мне надо было потянуть время, чтобы все это выяснить. И если я узнаю, что Макс ни при чем, я отвечу буквально на все вопросы следователя. А за Травину – спасибо большое. Чудесная женщина! Мы встречаемся с ней сегодня вечером, я заеду к ней в офис, и мы обговорим ход наших действий... Господи, Витя, мне кажется, что все это происходит не со мной.

– Ты сейчас куда?

– Как – «куда»?! В больницу, конечно! К Денису. Я не знаю как рада, что они мне не позвонили, я ведь оставила им

свой телефон. Это означает, что он хотя бы жив.

– Тогда поедем.

В больнице им сказали, что состояние Дениса по-прежнему тяжелое и что прогнозировать что-либо они пока еще не могут. Вероника, забившись в угол палаты, плакала, Виктор как мог успокаивал ее.

– Смотри, он дышит, к нему подключены все эти сложные аппараты... Если же учесть, что он все-таки еще молод и был относительно здоров, нужно надеяться, что он выкарабкается.

– Ладно, Витя, поезжай домой... А я побуду еще немного здесь, может, дождусь, когда он придет в себя, а заодно поймаю звонка от Макса. Куда он подевался? Что задумал?.. Знаешь, возможно, он каким-то образом узнал о том, что произошло с Денисом, испугался и просто спрятался? Бедный мальчик!

– Ты сегодня совсем ничего не ела. Может, пообедаем где-нибудь поблизости от больницы?

– Нет, Витя, у меня совсем нет аппетита.

– Послушай меня хорошенько. Вы с Максом попали в неприятную историю, и ты сама это прекрасно понимаешь. Возможно, тебе предстоят трудности, испытания, о которых ты даже и не подозреваешь...

– Думаешь, это все-таки... Макс?

– Не знаю, но я говорю тебе все это... Я предупреждаю, чтобы ты поняла: тебе понадобятся силы.

– Но я не хочу есть! Мне кусок в горло не полезет! Виктор!

– Хорошо. Тогда я куплю тебе шоколад.

– Скажи, тебе больше делать нечего, как кормить меня шоколадом? Поезжай домой, я не маленькая, найду и буфет, и магазин... Пожалуйста, оставь меня, мне надо побыть одной, как ты не понимаешь?!

Виктор кивнул головой в знак того, что он все понял, и вышел из палаты. Вынул из кармана телефон и позвонил:

– Марта? Извини, у меня телефон был выключен. Тут такое дело, я сейчас приеду и все тебе объясню... Нет-нет, это, слава богу, не касается нас, нашей семьи. Знаешь, я Аняте огромного медведя купил, думаю, ей понравится... Короче – я еду. Что? Хорошо, хлеб куплю, а что еще? Минералку? Ладно. Все, пока.

Он вышел из больничного корпуса, постоял немного на крыльце, выкурил сигарету, после чего сел в машину и поехал домой.

Глава 5

Сергей Мирошкин

– Сережа, я все понимаю, но и ты тоже пойми меня! Она – моя клиентка, состояние ее сам видишь какое... Все-таки муж при смерти. Сейчас она наговорит лишнего, подпишет бумаги – и окажется кругом виноватой.

– Но я должен был ее допросить. Я поджидал ее все это время, пока ее приятель искал адвоката. Думаешь, я ничего не понимаю? Или, быть может, ты предполагаешь, что я все это утро провел за чашкой чая? Я опросил соседей, вернее, мне повезло только с одной соседкой, но зато какой! Она живет как раз напротив твоей Вероники, поэтому знает о ней многое. Так вот, Денис и сынок Вероники, его зовут Макс, не ладили. Крепко скандалили, орали друг на друга. Ну просто не могли уже находиться в одной квартире, и Денис не выдержал и съехал. Вероника ходила заплаканная, часто приходила к соседке, просила дать ей сигарету, но дело было, по словам соседки, не в сигаретах, ей просто нужна была компания, ей нужно было просто побыть с кем-то, понимаешь? На Дениса этой ночью напали, пытались зарезать его, и Макс исчез. Думаешь, это простое совпадение?

– Точное время нападения не удалось, конечно, установить?

– Судя по состоянию Борисова, по количеству вытекшей крови, это произошло приблизительно в одиннадцать-двенадцать ночи двадцать третьего октября. Он пролежал, беспомощный, истекающий кровью, больше семи часов, пока его не обнаружила соседка. Лиза, ты тормозишь следствие, я должен был сейчас допросить его жену...

– Не сердись. Она все равно никуда не денется.

– Ты отпустила ее, чтобы она нашла сына?

– Мальчику всего четырнадцать лет, трудно себе представить, чтобы он пытался зарезать отчима.

– Мы же ничего не знаем об их отношениях. Может, Борисов плохо относился к его матери, оскорблял, унижал ее, вот сын ее и решил ему отомстить, избавиться от отчима?

– Предположения можно строить какие угодно, но давай лучше подождем, пока Борисов не придет в себя. Уверена, уж он-то точно сможет назвать нам имя нападавшего.

– Это если он придет в себя. Но, насколько мне известно, его дела очень плохи. Он потерял слишком много крови, да и рана серьезная.

– Знаешь, если бы это было в моих силах, я бы приставила к нему охрану. Все-таки его пытались убить, а не просто попугать ножичком.

– Да, я об этом тоже подумал. Прямо сейчас и займусь этим вопросом. Лиза, а ты не допускаешь мысли, что это может быть сама Борисова?

– Нет. Категорично.

– Интуиция?

– Возможно.

– Хорошо. Давай подождем результатов экспертизы.

– Только учти, что, поскольку это квартира ее мужа, там наверняка обнаружат отпечатки пальцев и Вероники, и Макса, и это естественно, так ведь? Еще – его друг, Виктор Иконников, он тоже наверняка бывал там... Следы этих людей – это нормально, как же иначе?

– Посмотрим.

– А в его квартиру ты меняпустишь?

– Пущу. Знаю, что ты наверняка найдешь там что-нибудь интересное, у тебя просто нюх на подобные вещи. Как поживает Глафира?

– Нормально. Они сейчас с мужем где-то на островах, вернутся сегодня-завтра. А что, ты по ней уже соскучился?

Мирошкин улыбнулся. Глафира была помощницей Лизы во всех ее делах, ее правой рукой. Такая пышка с очаровательной улыбкой, большая умница и очень надежный – во всех отношениях – человек. Несмотря на полноту, она была весьма энергичной и везде успевала. Любила свою работу, отдавалась ей со всею страстью. Множество дел они вели параллельно с официальным расследованием, которое проводил Сергей, и зачастую именно их слаженная работа давала хорошие результаты. Другое дело, что и Сергею приходилось помогать Лизе в ее делах, при этом тихо нарушая закон. Вот и сейчас он готов был отдать ключи от квартиры Борисова

Лизе. Без колебаний.

— Мы займемся близким окружением Вероники и Борисова, — поделилась с ним своими планами Лиза. — Постараемся разыскать Макса. Но главный свидетель, он же и жертва, — Денис Борисов. Дай бог, если в самое ближайшее время он все-таки очнется и расскажет нам, кто же на него напал.

Сергей отдал Лизе ключи, и она ушла. И буквально тотчас ему позвонили: в городском парке, в кустах, обнаружен труп девушки.

Мирошкин выехал на место.

* * *

Парк в октябре выглядел уныло, под ногами шуршала мягкая, сырая и уже подгнившая рыжая листва, пруды казались наполненными черной, словно отравленной водой. Не было уже ни лебедей, ни уток, их поместили в специальные зимние домики в детском парке, на территории маленького зоопарка.

Вековые дубы тоже простились со своей листвой и теперь стояли голые, словно униженные. Воздух, настоящий на горечи дыма костров, дышал прохладой. Все вокруг давило унынием, тоской.

Девушка в красной курточке, под которой словно застыло ее пурпурное пышное платье, лежала в пожухлой траве, в кустах, и ее тонкие ноги, обтянутые очень светлыми, под

цвет ее белой кожи, колготками, были как-то неестественно вывернуты. Одной красной туфельки не хватало. Она лежала чуть поодаль. Рыжие волосы девушки разметались по коричневой траве, белое лицо выражало спокойствие. Чуть приоткрытый рот с размазанной на губах помадой, заостренный нос, чернота под закрытыми глазами, сине-фиолетовые синяки на шее. Ее удушили.

Девушка нарядилась, перед тем как выйти из дома.

Рядом с трупом уже работала группа экспертов. Гера Туоров, судмедэксперт и приятель Мирошкина, поднялся и подошел к нему.

– Сам видишь... Асфиксия. Она полностью одета, пока что следов насилия я не обнаружил, но ее могли одеть уже после того, как... Однако колготки натянуты правильно, как если бы она сама одевалась. Вся одежда чистая, без следов крови.

* * *

Мирошкину принесли сумочку жертвы, тоже красную, с позолоченным замочком в виде двух шариков. Сергей открыл ее, нашел кошелек из такой же искусственной красной кожи, как и сумка. Пятьсот рублей с мелочью. В одном из отделений кошелька – библиотечная карточка на имя Полины Блохиной, с фотографией жертвы. Большой мужской носовой платок, мятый и грязный, в бурых пятнах. Пачка сигарет

«Парламент», зажигалка, ключи, помада, расческа, телефон.

– Девушку звали Полина Блохина. Судя по тому, как она одета, наверняка тусовалась где-нибудь поблизости, скорее всего в клубе «Нирвана», – сказал Мирошкин, фотографируя девушку на телефон. – Ты, Гера, работай, а я еще похожу тут, осмотрюсь.

– Тебе повезло, что нашли ее телефон, – заметил Герман Туров. – Хорошо, скажи, что я закончил осмотр, пусть тело увозят ко мне. Я постараюсь уже сегодня к вечеру тебе что-нибудь сообщить по результатам вскрытия. Хотя причина смерти и так ясна.

– И убили ее, судя по всему, здесь же, в парке. Смотри: следов волочения нет, одежда чистая, не считая тех мест, которые соприкасались с землей. Каблуки тоже чистые. Если бы тело волокли, то каблуками зацепили бы листья, землю...

– А еще она не сопротивлялась, – высказал свою догадку Туров. – Если бы она отбивалась от убийцы, то на теле, одежде, да и на месте происхождения остались бы следы, ссадины-царапины, грязь. Да и под ногтями у девочки тоже все чисто, и сами ногти чистые, лакированные, ни один не сло-ман.

– Да, я тоже обратил на это внимание. Думаешь, она знала своего убийцу?

– Думаю, да. Больше того, я предполагаю даже, что они вместе прогуливались по парку. Возможно, Гера, она беременна, и этот «кто-то» решил избавиться от нее, как избав-

ляются от подобной проблемы.

На земле, среди листвы, Сергей не нашел ничего, что могло бы в дальнейшем послужить уликой в деле. Разве что экспертами были сделаны слепки следов обуви неподалеку от того места, где находилось тело. Но эти следы могли принадлежать кому угодно, любому человеку, который прогуливался по парку до или после совершенного здесь убийства.

Когда тело увезли и эксперты, сделав свою работу, покинули место убийства, в парке снова стало тихо, мрачно и безлюдно.

* * *

Мирошкин отправился в клуб «Нирвана». В утренние часы это просторное помещение было пустынным, однако ярко освещенным, чтобы у уборщицы была возможность прибраться. Стены, обитые черной с золотом парчой, черно-золотые диваны и черные глянцевые столики по периметру стен, в центре – большой танцзал с зеркальным полом. Мраморная барная стойка, за которой на стене вытянулись стеклянные, подсвеченные снизу разноцветными лампами полки с выстроенными в ряды красивыми бутылками со спиртным.

Женщина средних лет в сером фланелевом халате и косынке, скрывавшей волосы, мыла полы. Звучала приглушенная джазовая музыка. Сергей подумал о том, что вечерами здесь звучит совершенно другая музыка: техно, рэп, моло-

дежные тупые шлягеры...

Эта же музыка была созвучна с тем настроением, которое навевал на Сергея осенний парк с лежавшей на горах опавшей листвы мертвой девушкой...

Уборщица помогла ему найти администратора клуба, аккуратно одетого и вежливого молодого человека в черных джинсах и красной водолазке. Его звали Артур.

Они разговаривали в небольшом, дорого обставленном кабинете с аквариумом. Мирошкин предположил, что где-нибудь за стенами этого кабинета запросто может находиться тайное казино. Иначе откуда эта бросающаяся в глаза роскошь: старинная лампа из венецианского стекла (Мирошкин за время работы в прокуратуре научился разбираться в подобного рода вещах), мебель «Людовик Честер», картины на стенах, шкура леопарда у вычурного камина...

– Артур, вам известна эта девушка? – Мирошкин показал администратору сделанный на месте преступления снимок мертвой Полины.

Артур, всмотревшись в изображение, нахмурился:

– Какая-то она странная... Она что, мертва?

– Да. Ночью убили.

– Да это же Полина, она часто здесь бывает!

– У нее есть парень?

– Нет, она приходит одна. Тусуется, но ничего такого себе никогда не позволяла. Она же маленькая совсем, ей всего-то пятнадцать. Ее в клубе все знают. Красивая, одевается ярко,

отлично танцует... танцевала... Какой ужас! У кого же поднялась рука на такого ангела?

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Вчера и видел. Вот в этом самом красном платье. У нее очень красивые ноги, и когда она танцевала, всегда в танце приподнимала эти пышные оборки, словно провоцируя парней... Говорю же, девчонка еще совсем, глупая. Ее что, изнасиловали?

– Пока что ничего определенного сказать не могу.

– Как ее убили?

– Артур, может, вы знаете ее подруг, друзей?

– Да разве у такой красивой девочки могут быть подруги?

Хотя нет, конечно, наверняка кто-то был, но в клуб она всегда приходила одна. Когда я смотрел на нее, то всегда думал об одном и том же: эта девочка ищет проблем на свою голову.

– И что, никогда и никто к ней не приставал и ни с кем она вдвоем не выходила из клуба?

– А у нее папа строгий, он за ней всегда приезжал.

– И вчера тоже?

– Возможно. Я же был внутри, поэтому не знаю. Но все в клубе знали, что с Полиной лучше не связываться, что придет ее папа и всем вломит.

– А кто ее папа?

– Какой-то бизнесмен. И не сказать, что очень уж крутой, но так, ничего, на дорогой тачке ездит, дом строит...

– Полина – его единственный ребенок?

– Точно не знаю, но кажется, да.

– Подскажите, кто бы мог видеть ее вчера вечером, когда она выходила из клуба?

– Ну, во-первых, у нас повсюду камеры наблюдения. В прошлом году здесь такая драка была... Один парень умер в больнице от удара по голове. Но кто его ударил, чем – так никого и не нашли. Был скандал. Это просто удивительно, что нас не закрыли! И вот после этого хозяин принял решение установить видеокamеры.

– Тогда подготовьте записи за двадцать третье число, хорошо? И все же я повторю свой вопрос: кто мог увидеть ее вчера вечером, когда она выходила из клуба? Кто-то реальный, кто мог запомнить ее?

– Роман Потапов. Наш охранник и вышибала. Он сейчас дома, но я могу дать вам его адрес.

* * *

Через полчаса Мирошкин уже звонил в квартиру Романа, охранника. Скромная однокомнатная квартирка в самом центре. Обшарпанная дверь, грязный резиновый коврик на пороге. В подъезде пахнет кошачьей мочой.

– Роман, открывайте, это следователь прокуратуры Мирошкин. Нам надо поговорить.

Роман, высокий, стройный парень, был в домашних широких брюках и тонком свитере. За его спиной открылся

неприглядный вид: неприбранная, пахнущая несвежим бельем и грязью квартира.

– Проходите.

У него были добрые карие глаза. Трудно было себе представить, чтобы он кого-нибудь лупил или «вышибал». Сергей подумал, что парня взяли охранником исключительно благодаря его спортивной фигуре и высокому росту.

– Вот, посмотрите. – Сергей показал ему снимок Полины. – Узнаете?

– Ну... Полинка. А что с ней такое?

– Убили этой ночью. Расскажите, когда вы видели ее последний раз?

– Да вечером же и видел. Знаете, – он вдруг оживился, поудобнее устроился на кухонном стуле, по привычке устроив одну ногу пяткой на сиденье и уложив голову на колено, – я заметил – вчера как раз, – что она была не в духе. Она так-то девчонка веселая, заводная, танцует классно, все всегда смотрят, как она пляшет. У нее всегда платья и юбки такие... ну... пышные, они взлетают, и все ей хлопают... Она еще носит такие... ну... стринги, кажется, что она под юбками – голая... У нее ноги такие, что все просто стонут... Но никто о ней плохо не думает, все знают, что она малолетка, ей всего-то пятнадцать и что с ней надо осторожно себя вести, потому что у нее папа – крутой чувак и может башку оторвать. Он всегда приезжает за ней – она ему звонит, и он сразу же приезжает. Дает девочке возможность расслабиться, а потом

увозит ее домой...

– С кем вы видели ее вчера ночью и во сколько?

– Во-первых, она пришла довольно поздно и была какая-то злая, не танцевала, так, постояла немного в центре зала, но так и не завелась, видно было, что ей плохо. А потом она выбежала, и я видел, как она блевала за углом. Я ей ничего не сказал, понимал, что ей не надо мешать. Но один парнишка к ней подошел, вернее, их было двое, тоже малолетки. Они разговаривали с ней, думаю, она их послала. Когда закончила блевать, вернулась, постояла на крыльце, потом сказала типу, что возле нее отирался, чтобы он принес ей колу. Он сбегал в бар, принес. Она пила колу, курила сигареты, стояла на крыльце, и вид у нее был задумчивый какой-то. У нее явно что-то случилось. А что было потом? Потом меня позвали внутрь, там один напился, ну мне и пришлось его выносить – в прямом смысле слова, я уложил его на террасе и вызвал такси. Я знаю этого кренделя, у него есть деньги, да и таксисты наши его тоже знают, так что – без проблем.

– А что с Полиной?

– Когда я вернулся на крыльцо, ее уже не было.

– А те двое, что возле нее крутились?

– Их тоже не было.

– Отца ее не видели?

– Нет. Думал, он приехал и забрал ее домой. Но я его не видел.

К обеду у Мирошкина уже были все сведения, касавшиеся семьи Полины Блохиной. И ему предстояло отправиться к ним домой и сообщить трагическую весть.

Анатолий Григорьевич Блохин, предприниматель, держит несколько маленьких магазинов на центральном рынке, торгует одеждой. Жена – Марина, хозяйка косметического салона.

Сергей подумал, что все утро он подсознательно откладывал свой визит в их дом. Он ко многому успел привыкнуть за годы работы в прокуратуре, кроме тяжелой миссии оповещения о смерти жертв.

Он долго звонил в квартиру Блохиных, но ему так никто и не открыл. Вероятно, все были на работе. Что же это получается: их дочь не вернулась домой, а в жизни семьи ничего не изменилось? Все как ни в чем не бывало отправились на работу?

В косметическом салоне «Ева», которым владела Марина Викторовна Блохина, мать убитой Полины, Сергею сказали, что хозяйка с мужем отдыхает в Крыму, должна вернуться со дня на день. Они отсутствуют уже десять дней.

Получается, что все это время их дочка была дома одна? И все те вечера, когда она тусовалась в клубе, заканчивались как угодно, но только не благочестивым возвращением де-

вочки домой в сопровождении отца?

Он снова поехал в клуб, к Артуру.

– Скажите, кто-нибудь мне мог бы сказать: кто приезжал за Полиной всю последнюю неделю?

Артур назвал несколько имен, дал телефоны и адреса охранников, барменов, даже завсегдатаев клуба, взрослых мужчин, предпочитавших проводить время не в кругу семьи, а в клубе. Мирошкин поручил молодому оперативнику, Савушкину, собрать всех этих потенциальных «клубных» свидетелей, в том числе и Романа Потапова, у него в кабинете в пять вечера и позвонил Гере Турову, предложив ему пообедать с ним в кафе «Улей».

– Я угощаю, Гера.

Сергей Мирошкин поставил на стол в кафе два подноса с грибным супом, котлетами, творожной запеканкой и компотом и приготовился ждать приятеля.

Как могло случиться, думал он, что ни Артур, ни Роман не заметили, что в последнее время Полина уходила из клуба одна и отец за ней не приезжал? Она, пятнадцатилетняя дурочка, знавшая силу своей женской привлекательности и упивавшаяся ею по вечерам, демонстрировавшая всем свои красивые ножки и попку, могла спровоцировать кого угодно – любого парня или зрелого мужчину – на определенные действия и поступки. Кто воспользовался тем, что за ней никто не приезжал? Какая история могла произойти между Полиной и неким неизвестным мужчиной, которая и толкнула его

на убийство? Преступление было совершено явно на сексуальной почве. Возможно, кто-то «воспользовался» Полиной, а когда она пригрозила ему, что обратится в полицию, убил ее. Вот такая схема вырисовывалась. Хотя на месте насильника не обязательно мог быть взрослый мужчина. Роман же говорил, что возле Полины отирались двое подростков, таких же щенят, как и сама Полина. Может, ей вообще устроили групповуху? Не зря же Роман говорил, что вчера вечером она выглядела не лучшим образом: с ней было что-то не так, ее тошнило. Может, она за эти десять дней, что жила без родителей, успела забеременеть? Или кто-то сделал с ней это еще до отъезда ее родителей?..

Он махнул Гере, появившемуся в дверях кафе, приглашая его за столик.

– Ну что, как дела? Садись...

Гера широко улыбнулся:

– Эх, Мирошкин, нет бы взять и пригласить меня просто так, без разных там корыстных целей, а – просто...

– Просто так я приглашаю женщин, Гера, – засмеялся Сергей. – Ладно, не обижайся, но мне действительно нужно знать все, что ты успел выяснить о Полине Блохиной. Уверен, что с ней было что-то не так: беременность, изнасилование...

– Нет, она не была беременна, но ее точно изнасиловали. Правда, не вчера, а примерно сутки тому назад. Знаешь, так насилюют, когда знают, что им позволено все, понимаешь?

Как если бы девочку кто-то крепко напоил, а потом делал с ней все, что хотел. Вот так.

– Групповуха?

– Может, и так, но это мог сделать и кто-то один. Разрывы, трещины... говорю же, с ней делали что хотели. В крови – алкоголь. Накануне она ничего не ела, пила только йогурт.

– На ней есть синяки?

– Нет. Разве что в определенных местах, сам понимаешь...

– Садист?

– Нет, думаю, у девочки просто была нежная кожа, такие синяки остаются от мужских пальцев, на бедрах...

– Но если нет синяков, то есть нет следов борьбы, значит, она не сопротивлялась...

– Она была пьяна, но ничего такого в алкоголь ей не подмешивали. Шампанское с водкой, да на голодный желудок – этот коктейль кого угодно свалит с ног. А тут – девчонка совсем, худенькая!

– Пьяна была, это понятно. Но она не сопротивлялась и когда ее поили, то есть по своей воле пила, понимаешь? Значит, она была знакома с этим человеком, во-первых, а во-вторых, она ему доверяла, иначе бы не позволила себе так напиться.

– Да что мы о ней знаем, Сережа? Может, она просто не умела пить, она же была совсем юной...

– А общее состояние организма?

– Была совершенно здоровой девочкой, все в норме. Но какое у нее было тело, а ноги, кожа, волосы!.. Не понимаю, как можно было уничтожить такую красоту? Ты знаешь мое мнение на этот счет. Иногда мне хочется сменить свои забрызганные кровью мертвецов халат с фартуком на черный плащ с капюшоном и превратиться в ночного палача, который ходит по городу и убивает всех убийц и насильников. Ты знаешь, скольких молоденьких девушек мне приходилось вскрывать! Их создал Бог для любви, а не для смерти!

– Следов спермы нет?

– Знаешь, я взял на анализ материал из влагалища на наличие спермы, но в лаборатории мне сказали, что там, ты не поверишь, – мыло! Точнее, следы интимного геля, словно туда залили пол-литра...

– Думаешь, этот насильник, когда пришел в себя, решил обезопаситься и вымыл девочку, пока она еще была в отключке?

– Уверен. Ни одна девушка не станет такого делать. Ну, помоемся, и все. А тут – все промыли... Хорошо, что еще хлоркой не продезинфицировали.

– Гера!

– Молчу, молчу.

– Но тебе удалось все-таки взять биологический материал мужчины?

– Да, конечно.

– Значит, все-таки изнасилование. Хорошо, Гера, спасибо

тебе. Мне пора. Надо встретиться с доктором, оперировавшим Дениса Борисова. Он, слава богу, не стал твоим «клиентом», и будем надеяться, что и не станет.

Глава 6

Вероника

Макс так и не появился. И больше не звонил. Лиза посоветовала Веронике никому не рассказывать о звонке Макса.

На улице было холодно, они договорились встретиться в кафе, где было тепло и уютно. Лиза размотала шарф, сняла курточку. Вероника продолжала сидеть в пальто, кутаясь в него, как если бы в кафе с потолка вдруг пошел снег.

– Знаете, я постоянно мерзну, – призналась она Лизе.

– Это нервное. Пройдет. Так что будем делать с Максом? Вы можете хотя бы предположить, где он скрывается?

– Нет, не могу. Макс в последнее время стал таким... неуправляемым, что ли... Я не понимаю, что с ним происходит!

– Возможно, все это происходило с ним и раньше, да только он скрывал свою неприязнь к отчиму, чтобы не расстраивать вас, Вероника, – предположила Лиза.

– У нас все было нормально...

– Ваша соседка утверждает, что в вашей квартире происходили частые ссоры, что Денис с Максом конфликтовали, они кричали друг на друга, а вы потом обращались к этой же соседке за сигаретами...

– Вот бывают же люди! – вздохнула в досаде Вероника. –

Зачем ей все это было вам рассказывать? Ей-то что за дело?! Она же просто соседка! Сказала бы: мол, ничего не знаю, ничего не слышала. И все! Неужели она, когда это говорила, не понимала, что ее показания могут сыграть против нас? Сигареты! Да, я действительно просила у нее сигаретку-другую, когда уж совсем невыносимо становилось на душе. Знаете, иногда мне казалось, что я зашла в тупик и просто не знаю, как мне жить дальше. Они разрывали меня, Денис и Макс! Я их обоих люблю и не могу сделать выбор в пользу одного из них. И Денис это отлично понимает, а вот Макс... Знаете, я даже представляла себе, что бросаю Дениса, остаюсь с Максом, и – что дальше? Да тот же Макс потом будет жалеть о том, что сделал, будет страдать, видя, как страдаю и плачу я. Ведь Максим – добрый мальчишка. Просто ему трудно было привыкнуть к тому, что у меня, кроме него, есть еще и Денис.

– Ревность, я полагаю, – сказала Лиза.

– Конечно, ревность.

– Это плохо, что он сбежал. Значит, у него была на то причина. Вы говорили, что у него есть приятель...

– Да, есть. Капитан. Но если даже он и знает, где скрывается Макс, ни за что не скажет.

– Может, вы позвоните ему, попросите прийти, и мы поговорим с ним? По-взрослому? – спросила Лиза.

– Хорошо. У меня есть его телефон. Знаете, я бы и раньше это сделала, да тут такое с Денисом приключилось...

– Вы боялись ему позвонить, ведь так?

– Да. Так. – Вероника опустила глаза. – Боялась, что Капитан скажет что-нибудь такое, из чего я пойму, что Дениса порезал Макс... И если это так, то что мне тогда делать?! Как его защитить? Ведь он же наверняка сделал это сгоряча... Думаю, они крепко повздорили...

Она вдруг замолчала, посмотрела широко раскрытыми глазами на Лизу – с ужасом, как смотрит человек, осознавший, что сотворил глупость, проговорился. Получается, она сама допустила мысль о том, что Макс мог пожелать смерти Денису!

– Звоните, Вероника. И ничего не бойтесь. Если даже это сделал Макс, вряд ли Денис будет настаивать на том, чтобы мальчика осудили. Если он вас любит, то сделает все возможное, даст такие показания, которые снимут с Макса вину.

– Вы так успокаиваете меня... Но это же все нереально... Дело-то уже заведено, Дениса чуть не убили... А что, если это все-таки не Макс?

– Звоните, звоните вашему Капитану.

В кафе вошел высокий худенький паренек. Его красота буквально бросалась в глаза. Густые волнистые черные волосы, синие глаза с длинными ресницами. Бледный, в черном толстом свитере и ветровке. Увидев знакомое лицо – Веронику, он быстро подошел к их столику, и Вероника знаком предложила ему сесть напротив, по правую руку от Лизы.

– Кап... Вернее, Сережа, знакомься, это адвокат, Елизавета Сергеевна Травина.

– Травина? – Густые черные брови Капитана взлетели вверх. – Вы – та самая Лиза Травина, которая защищала папиного дирижера, Михаила Бруднера?

– А... Бруднер... Да, я защищала его в прошлом году, – смутилась Лиза. – А вы откуда его знаете?

– Говорю же, Бруднер – папин дирижер. Мои родители – скрипачи, они играют в бруднеровском оркестре. Эта история прогремела на весь город. Но никто не верил, что он отравил того московского виолончелиста... Михаил Соломонович – душа-человек. И тот факт, что он в свое время, еще в молодости, женился на девушке, в которую был влюблен этот виолончелист, его фамилия, кажется, Цветков или Цветаев...

– Цветковский, – улыбнулась Лиза, вспоминая это дело.

– Так вот, этот старый любовный роман был ни при чем...

– Дело было простое, и там нет моей заслуги. Он отравился обыкновенной сальмонеллой.

– Но ведь это вы настояли на том, чтобы проверили жареную курицу, которую этот Цветковский ел в гостях у одной из своих поклонниц... Вы, я знаю, разыскали эту даму, нашли остатки курицы...

– Капитан, – улыбнулась Лиза, – давайте поговорим лучше о вашем друге Максе.

– Давайте поговорим! – У Капитана сразу же запылали

щеки. – А что с ним?

– Когда вы видели его в последний раз?

– Вчера и видел. Мы с ним были в клубе. Потом пошли домой – ко мне домой. Он ночевал у меня, а потом пошел к себе.

– Что было в этом клубе?

– Ничего. Все как обычно.

– Ему, случайно, не звонил Денис Борисов, его отчим?

– Денис? Да нет, вроде бы не звонил. А что?

– Его пытались зарезать.

– Да вы что?! И кто же?!

– Вот и нам бы хотелось это узнать. Вы знаете что-нибудь о конфликте между Максом и Денисом?

– Да не было никакого конфликта! Просто он недолюбливал Дениса, но это нормально. Такое часто встречается. Вот если бы моя мать, к примеру, развелась с моим отцом и вышла замуж за другого мужчину, вы думаете, я сильно бы обрадовался? Возможно, что и у меня были бы сложные отношения с чужим мужиком.

– Когда и где вы с ним расстались?

– Говорю же – утром. Мы переночевали у меня, а утром он отправился домой.

– А почему он не позвонил и не предупредил маму, что заночует у вас?

– Я не знаю...

– Когда вы вернулись из клуба?

– Точно не знаю, ночью. Купили пива по дороге...

– Где покупали пиво?

– В киоске, неподалеку от моего дома.

– Там могут это подтвердить?

– Не знаю, запомнили нас или нет. К тому же было темно.

– Вы пришли к вам домой – и что вы делали? Сразу легли спать?

– Нет. Пили пиво, смотрели фильм онлайн... «Реальных пацанов» смотрели, ржали...

– Макс никуда не отлучался?

– Нет. Говорю же, он был у меня до утра!

– Хорошо, Капитан. Вы нам очень помогли, – сказала Ли-за.

Вероника нахмурилась:

– Кап, все это очень серьезно. И если Макс замешан в этом, если он сделал это с Денисом, то ему нужно срочно вернуться домой! Тот факт, что он сбежал, работает против него, ты понимаешь? Кап, я знаю, ты его лучший друг и делаешь все, чтобы только помочь ему. Но сейчас ты оказываешь ему медвежью услугу, ты это понимаешь?

– Но я сказал чистую правду...

– Быть может, ты уснул, было уже около полуночи, и Макс ушел, а потом вернулся? Такое может быть? – спросила Ли-за.

– Нет, конечно, мы с ним спали в разных комнатах: я – у себя, а он – в гостиной на диване. И когда он ходил в туалет,

к примеру, я не слышал, у нас очень толстые стены, там сделана специальная изоляция, чтобы, когда мои родители репетируют, мы не доставали наших соседей... Но я не думаю, чтобы Макс выходил из квартиры. Он бы мне сказал.

– Ты хочешь сказать: «признался»?

– Да в чем признался?!

– В том, что он напал на своего отчима. Что он переживал за мать и поэтому так возненавидел своего отчима, что, когда выпил, к примеру, чувства его стали перехлестывать через край, он уже не владел собой и поехал к Денису Борисову на квартиру. Там между ними произошел разговор, вернее, скандал, в результате которого нервы у Макса сдали и он набросился на отчима с ножом. Ранил его – а подумал-то, что убил. После чего и сбежал, разумеется. И первый человек, у которого он стал бы искать поддержки и алиби, – это ты, Капитан.

– Но ничего такого не было, – растерянно пробормотал Кап. – Не было! Он был со мной, в моей квартире, всю ночь и все, баста!!!

– Кап, где Макс? – сквозь слезы спросила Вероника. – Ну, пожалуйста, скажи мне! Денис-то жив, жив, и Макс, возможно, еще этого не знает. Где он сейчас может быть? Голодный, на улице холод... Кому он нужен, кроме меня? – И она разрыдалась.

– Я бы сказал вам, Вероника Николаевна, честно, – сказал Кап. – Я же не дурак и все понимаю! Его бегство все только

ухудшило... Но насчет того, что он голодный и холодный, это вы зря. Макс сказал, что у него есть деньги.

– Есть?! Это Денис... Это только Денис мог пополнить его карточку. А он, он... Макс, неблагодарный! Он вообще ничего не смыслит в жизни! Он видел в Денисе врага, в то время как тот был ему вместо отца! Значит, говоришь, деньги у него есть? Может, он на вашей даче? Ты скажи, Кап... Я обещаю тебе, что полиция его не найдет, мы с Елизаветой Сергеевной сделаем все, чтобы ему помочь...

– Ладно, – прервала ее Лиза. – Так мы можем проговорить еще долго, а у меня дела. Надо срочно искать вашего сына, Вероника. А ты, Кап, должен нам в этом помочь. Если ты, конечно, ему друг.

– Да я не вру, я действительно не знаю, где он!

– Значит, подумай: где он может быть? Может, у ваших общих друзей? А я постараюсь вычислить его.

– Он избавился от сим-карты, – всхлипывала Вероника. – Иначе вы бы могли определить местонахождение его телефона.

– Смышленный мальчик, да и взрослый уже, – сказала Лиза, поднимаясь, – звонил явно с телефона-автомата. Я попытаюсь выяснить, с какого именно. Но мне почему-то думается, что с вокзала. Он сел на поезд или, скорее всего, на электричку, поскольку там, для того чтобы взять билет, паспорт не требуется, и поехал куда глаза глядят. И если это так, то найти его нам будет трудно. Но существуют камеры наблю-

дения на вокзале, может, мы и увидим его... Мне нужна его фотография.

– Да, вот, пожалуйста. – Вероника протянула ей фото. – Он светленький такой, у него большие карие глаза... Куртка темно-зеленая, с капюшоном, кроссовки такие большие, массивные, черно-зеленые. Думаю, на нем были черные широкие джинсы, его любимые, он надевал их, когда собирался пойти погулять или в клуб... Шапку он не носит. Когда холодно, набрасывает на голову капюшон. Да, капюшон с опушкой, черно-желтый мех. Кап, найди его! Думаю, тебе он позвонит...

– Но пока что не звонил, – сказал Капитан, и лицо его при этом скривилось, как от боли. – Вы должны мне поверить!

– Знаешь, Капитан, – сказала Лиза, – интуиция меня редко подводит... Так вот, у тебя вид человека, который что-то скрывает. Заговорщический вид.

– Вам показалось, – сказал Кап. – Я могу идти?

– Иди и помни обо всем, что я тебе сейчас сказала: если объявится Макс, звони мне сразу же. Только таким образом ты сможешь ему помочь.

И Лиза протянула парню свою визитку.

* * *

Вероника вернулась домой. Заварила чай, села у окна в кухне. Как так могло случиться, что она осталась одна? Макс,

которого она так боялась предать, который был ей самым близким и родным человеком, являлся ее частью, тоже бросил ее в трудную минуту. Если он виновен, значит, он самостоятельно принял решение убить Дениса, и получается, что он – преступник. Если же он невиновен, то тем более непонятно, куда и зачем он сбежал? Почему отключил телефон? Что произошло этой ночью, что могло его так напугать?

Невозможно было оставаться дома, и она оделась, чтобы вновь поехать в больницу. Уж лучше сидеть там, в коридоре, и ждать, когда Денис очнется, чем глохнуть от невыносимой тишины здесь, в пустой квартире.

И в этот момент в дверь позвонили.

Вот сейчас мне скажут, что Денис умер, подумала она, и ее накрыла черная волна смертельного ужаса.

Она подошла к двери, взглянула в глазок. Уф, слава богу! Это Виктор! И отчего она так накричала на него там, в больнице? Человек хотел помочь, а она сорвалась на нем.

Она впустила его.

– Извини меня, Виктор...

– Да брось ты, я что, не понимаю, что ли? Вот, я купил по дороге тебе продукты. Возьми.

Вероника подняла два тяжелых пакета.

– Что это? Зачем? – Она понесла их в кухню.

– Я подумал, что о тебе сейчас некому позаботиться, ты осталась совсем одна...

– Что мне делать, Витя? Денис в тяжелом состоянии, и

неизвестно, когда он очнется. Вообще-то я собиралась к нему...

– И правильно. Давай поедem вместе? Ты обедала?

– Да ничего я не ела. Не хочется.

– Тогда хотя бы яблоко съешь, смотри, какие красивые яблоки я тебе купил.

Она вдруг заметила, что он не смотрит на нее, отводит взгляд.

– Витя? Что-нибудь случилось?!

Сердце ее, как ей показалось, остановилось. Он не просто так пришел, он, вероятно, узнал что-то страшное про Дениса и теперь не знает, как ей об этом сказать! Говорит о каких-то яблоках, потому что нет у него сил говорить о другом, о более важном, – о смерти.

Она медленно повернула голову, и ей стало страшно встретиться с его взглядом. Ведь увидев его глаза, выражение его лица, она сразу все поймет.

– Витя, он что, умер?! Ты сейчас оттуда? Говори...

– Да ты что, Вероника?! Ты подумала, что я собираюсь тебе сообщить о том, что Денис... Успокойся... Фу ты, я и сам испугался твоего взгляда... У тебя сейчас такие глаза...

– Значит, пока еще есть надежда... – И она расплакалась. – Просто ты не смотришь на меня... И я подумала...

– Да у меня свои проблемы просто...

– Так, давай сейчас поедem в больницу, и ты по дороге мне все расскажешь. В другой ситуации мы бы с тобой посидели

спокойно, поговорили, но не сейчас. Я должна его увидеть, должна убедиться в том, что он пошел на поправку. Он молодой еще, сильный, он выкарабкается... Поехали!

В машине ей стало как-то спокойнее. Как хорошо, что она ошиблась!

– Ты очень нервно ведешь машину, Витя... Успокойся и расскажи мне, что у тебя случилось?

– Марта мне изменяет.

– Да ты что?! Откуда тебе это известно?

– Она очень изменилась в последнее время. Стала какой-то не такой, чужой... К себе не подпускает, одевается не так, как раньше, наряжается... Говорит, к примеру, что идет в магазин за продуктами, супермаркет в трех минутах ходу от нас, и пропадает часами. Однажды я в окно увидел, как она выходит из черного «Мерседеса». Причем не сразу вышла, а как бы задержалась в машине, ну вроде разговаривала с водителем, веселая такая, рукой ему потом помахала. Думаю, в машине они целовались. А когда вернулась домой – чернее тучи. Не разговаривает со мной, только огрызается. Одежду всю с себя сняла, в корзину с грязным бельем сунула, помылась, надела халат и так весь оставшийся день в нем и проходила. Словно нарочно, она же знает, что я терпеть не могу, когда она в халате...

– А ты не спросил ее, что это за машина, кто ее подвез?

– Спросил, конечно. Она сказала – так, знакомый, мол. Увидел, как она тяжелые сумки тащит...

– А сумки действительно были тяжелыми?

– Она картошку купила...

– Ну вот, видишь. Картошку ты должен покупать, все-таки это тяжело... И это все?

– Мне постоянно кажется, что от нее пахнет как-то по другому, что это не ее духи. Может, это духи ее любовника?

– Скажи, Витя, ты любишь ее?

– Конечно люблю, что за вопрос?!

– Если любишь и намерен с ней и дальше жить, научись доверять ей. Иначе вам будет трудно. И ей, и тебе. Знаешь, это очень неприятное чувство, когда тебя подозревают в измене, а ты не виноват. Словно тебя в грязь окунают. По себе знаю, у меня был один такой мужчина, еще до Дениса... Думаю, такие люди по себе судят или же насмотрелись на чью-то неблагополучную жизнь.

* * *

В реанимацию пустили только Веронику. Отсюда, размышляла она, только два выхода: или в жизнь, или в смерть. Денис балансировал на грани, и только от состояния его здоровья зависело, вернется он или нет.

– Ведь он же не в коме?! – спрашивала, давясь рыданиями, Вероника у медсестры, следящей за сложной аппаратурой, которая поддерживала в теле Дениса жизнь. – Нет?

– Он без сознания и может прийти в себя в любую мину-

ту, – ободряюще улыбнувшись, ответила сестра. – Не переживайте, он же молодой. Вон какой здоровяк!

Вероника, глядя на эту пышущую здоровьем молоденькую сестричку, подумала, что в больницу нужно принимать только таких, оптимистически настроенных людей. Они распространяют вокруг себя ауру надежды, питают невидимой энергией не только пациентов, но и их близких.

– Спасибо вам за эти слова, – сказала она, выходя из палаты. Хотя это прозрачное стеклянное помещение можно было назвать скорее боксом, аквариумом, как угодно, но только не палатой, которая – в представлении Вероники – должна была быть мрачной, с непромытыми окнами и серыми одеялами, больничной комнатой, точно такой же, в которой умирала в свое время ее мать...

Виктор дожидался ее в коридоре.

– Ну что, как он?

– Пока еще не пришел в себя. – Вероника села рядом с ним и, уткнувшись в большой мужской носовой платок, разрыдалась. – Витя, что мне делать? Куда идти? У меня жизнь остановилась... Если бы Макс был рядом, мне было бы легче все это пережить, перенести... Да и дома мне было бы не так страшно – с ним. И, главное, я бы точно знала, имеет ли он к этому кошмару отношение или нет. Но если нет, тогда почему он прячется?

Позвонил Мирошкин. Вероника дрожащей рукой поднесла телефон к уху.

- Где вы находитесь, Вероника?
- Я? Я в больнице... А что случилось? Вы нашли Макса?!
- Я сейчас подъеду к вам, дождитесь, не уходите.
- Что с Максом?! – Она похолодела. – Что с ним?!
- Мы его пока что не нашли, так что не переживайте...

Глава 7

Лиза

– Глаша, ну наконец-то! – Лиза вышла из-за своего письменного стола и обняла помощницу. – Похудела, загорела, выглядишь просто прекрасно! Думала, ты в лучшем случае придешь ко мне утром, а ты сейчас явилась, да еще и в офис! Молодец, ничего не скажешь!

Глаша, с аккуратно причесанными волосами, в бирюзовом вязаном свитере и черных брюках, уверенно пересекла приемную и уселась за свой рабочий стол, по левую руку от Лизы.

– Лиза, господи, какая же отвратительная здесь погода, холодно, мокро, туманно... Бррр... А там, откуда мы с Димой вернулись, тепло, даже жарко, теплое море, которое так и накатывает на тебя, когда ты сидишь на песке и смотришь на небо... Говоришь, я загорела? И как, мне идет загар?

– Ну, непривычно, конечно, ты же всегда была такой белокожей... – Лиза не спешила вернуться за свой стол: стояла напротив Глафиры и любовалась ею. – Мне тебя очень, очень не хватало. Словно мне отрубили руку!

– Да брось ты, Лиза, – улыбнулась Глафира. – Отдохнула от меня, от моих несанкционированных подвигов, дерзких поступков, инициатив...

– Вот! Ты просто как чуяла, что тебя поджидает еще один дерзкий поступок. Мы – если ты, конечно, не против – прямо сейчас отправимся на квартиру одного человека, которого хотели убить, но, к счастью, он остался жив. Ну, как, ты готова впрячься в работу или?..

– Да, конечно, я хочу работать и готова пойти с тобой хоть в самое пекло! Ты, кстати, тоже похудела, то есть от тебя уже практически ничего не осталось. Совсем измоталась – ничего не ела все это время? Ну, ничего, теперь я здесь и буду тебя откармливать! Ну, что там? Давай, рассказывай по дороге. – И Глафира набросила на плечи куртку. – Я готова.

В машине Лиза ввела ее в курс дела.

– Понимаешь, его на самом деле хотели убить. Ранение очень серьезное, но действовал не профессионал, это точно. Дениса Борисова нашли с ножом в животе. С кухонным ножом, понимаешь? Такое случается обычно при выяснении отношений, спонтанно, то есть человек, явившийся к Борису, вовсе и не собирался его убивать. То есть это не предумышленное убийство, преступник не планировал ничего подобного. Борисов был трезв, когда на него напали. А вот преступник, возможно, был пьян.

– Что с отпечатками пальцев на рукоятке ножа? – спросила Глаша, разглядывая мутный вечерний пейзаж за окном автомобиля. Витрины магазинов казались цветными расплавленными леденцами. – Кому они принадлежат?

– Только час тому назад пришли результаты, мне Сере-

жа звонил. На ноже отпечатки пальцев самого Дениса Борисова, Вероники, отпечатки неизвестных личностей, которые надо еще проверить (возможно, его друзей, гостей, соседей), а еще – его пасынка, Макса. Эксперты побывали в его квартире и взяли образцы следов с компьютерной «мышки», с личных вещей... Все совпадает. Другое дело, что след нечеткий, как если бы кто-то протер нож, но спешил, поэтому не все и стер...

– Это Макс, он и протер нож. Убил отчима, испугался и принялся избавляться от следов.

– Но в квартире и без того полно его следов. Да и его мать говорит, что они часто бывали в квартире Борисова, когда Вероника убиралась там, поливала цветы. Они все втроем сначала жили у нее, а квартиру Дениса просто содержали в чистоте. И не сдавали ее, кстати говоря.

– Значит, деньги у них были.

– Да, Денис Борисов – небедный человек. И ему незачем было сдавать квартиру.

– Значит, сначала все жили у Вероники, а после конфликта с пасынком Борисов ушел из дома своей жены, то есть, по сути, бросил ее. Они не встречались после этого?

– Вроде бы нет.

– И как Вероника к этому отнеслась? С облегчением?

– Что ты! Она восприняла это как драму. Она любит Борисова, но не может разорваться между мужем и сыном. Она и сына очень любит, и мужа. И восприняла его уход как пре-

дательство, мол, он спасовал перед трудностями, а это – не мужской поступок. Но и Макс тоже пропал – сбежал. И она голову ломает: зачем ему это понадобилось? Объяснение напрашивается сама знаешь какое.

– Ладно, осмотрим квартиру, может, удастся найти что-нибудь существенное...

– Осмотрим-то осмотрим, но следов посторонних людей в квартире не обнаружено, понимаешь? То есть если предположить, что Борисов сам открыл дверь преступнику, значит, он ему как минимум доверял.

– Ну, не скажи, Лиза. В дверь мог позвонить кто угодно и представиться тоже кем угодно. Я в таких случаях говорю: «Мосгаз», понимаешь? Слесарь, сантехник, электрик, представитель ЖЭКа, врач из поликлиники и все в таком духе. Ты что, думаешь, взрослый мужик побоится открыть дверь чужому человеку? Ну не до такой же степени наше население напугано!

– Предполагаешь, он мог открыть и незнакомцу?

– Повторяю, кому угодно: незнакомому, знакомому, даже женщине! Такое ранение, как ты говоришь, могла нанести и разъяренная женщина! Просто схватить нож – и в сердцах ударить ножом в живот.

– Кажется, я поняла, на что ты намекаешь...

– Да, Лиза! Надо бы покопаться в прошлом этого Борисова и постараться понять: кому же он так крепко насолил, что его захотели убить?..

Лизе позвонил Мирошкин, сказал, что тоже подъедет на квартиру Борисова.

– У меня для тебя сюрприз, – сказала Лиза, поглядывая на сидевшую рядом и улыбавшуюся Глафиру. – Приезжай. Надеюсь, у тебя есть новости.

Мирошкин приехал, когда Лиза с Глафирой уже были в квартире, осматривали комнаты, листали семейные альбомы. Сергей тихо постучал в дверь, чтобы не привлекать внимания соседей.

Ему открыла Глаша.

– Глафира, господи, как же я рад тебя видеть! – Мирошкин обнял ее и поцеловал в щеку. – Вернулась-таки со своих островов!

– Вернулась! – воскликнула обрадованная встречей с Сергеем Глаша, но Мирошкин тотчас сделал ей знак молчать:

– Тсс... Не забывай, Глаша: мы здесь находимся нелегально, незаконно и все в таком духе. А потому я прошу соблюдать тишину.

– Сережа, как же я тебя рада видеть! Послушайте, отсюда сразу же поедem к нам, возражения не принимаются! Я привезла вам подарки, классные! Тебе, Сережа, резные шахматы и какой-то волшебный перстень, а тебе, Лиза, – благовония, прекрасные белые туники и украшения, тебе понравятся! Ладно, все, давайте работать... Итак, мы с Лизой осмотрели квартиру. Сразу видно, что здесь давно не было женщины – не прибрано, в холодильнике пусто, вещи раскида-

ны, цветы засохли... Мужчины всегда забывают про цветы.

– А еще мы нашли вот это. – На ладони Лизы лежала маленькая, украшенная золотыми буквами сережка.

– Интересно, и где же вы ее нашли? – нахмурился Мирошкин, разглядывая сережку. Казалось, он был крайне удивлен. – Просто невероятно!

– Да что случилось-то? Сережка может принадлежать Веронике, – пожала плечами Лиза.

– Нет, Лиза, – сказала Глаша, – я хоть и не видела Веронику, но подозреваю, что ей все-таки не пятнадцать лет и если у нее и имеются золотые сережки, то несколько другого типа, не такие молодежные, понимаешь?

– Вообще-то да... Но тогда чья эта сережка?

– Сначала скажите, где вы ее нашли?

– В прихожей, на полу. А что?

– Я знаю, кому принадлежала эта сережка, – вдруг заявил Мирошкин.

Лиза и Глафира переглянулись.

– Ее хозяйка мертва. Это девочка пятнадцати лет, ее звали Полина Блохина, – сказал Мирошкин.

– Серьезно?!

– Потом поговорим, не здесь. Что-нибудь еще нашли?

– Да, семейный альбом, который был спрятан на полке, за книгами, что свидетельствует о том, что альбом прятали... – начала Глаша.

– Думаю, Борис делал это из деликатности, чтобы не трав-

мировать Веронику, которая бывала в этой квартире... – вставила Лиза.

– Так вот, там фотографии Борисова, как мы понимаем, с его бывшей женой, Катей. Очень красивая молодая женщина. И выглядит эта пара абсолютно счастливой.

– Понятно, – пробормотал Мирошкин. – Что еще?

– Корзина полна грязного белья, и это – при наличии стиральной машины. Думаю, Борисов не умеет ею пользоваться, как и большинство мужчин, далеких от ведения домашнего хозяйства. Пылесос покрылся пылью, значит, и им он тоже не пользовался. Однако посуда вымыта, а это свидетельствует о том, что Борисов, поужинав или позавтракав, все же прибирал за собой... Я хочу сказать, что он не такой уж и поросенок, каким может показаться, просто его не было дома, он все время проводил на работе. Возможно, потому, что он просто очень занятой человек и у него много работы, или же он пытался пережить стресс, находясь на работе.

– И при всем при этом он не пил, я не нашла ни одной пустой бутылки. Обычно, когда мужчина пьет, это заметно...

– Хорошо. Думаю, достаточно для того, чтобы сказать: вы не напрасно здесь побывали. А теперь – быстро уходим, пока нас не заметили соседи и не позвонили в полицию... Если учесть, что Борисов жил один – и соседи это прекрасно видели, – и его чуть не убили, а теперь к нему в квартиру навешиваются какие-то посторонние люди... Словом, не надо давать им повода для таких звонков.

Они вышли из квартиры, Лиза аккуратно заперла двери ключами и вернула их Мирошкину.

– Спасибо тебе, Сережа. А теперь, может, ты расскажешь нам с Глашей, откуда тебе известно, что сережка принадлежит... Полине Блохиной?

– Едем к нам! Ну, пожалуйста! По дороге как раз и поговорим, – сказала Глафира. – Дима очень обрадуется! Приготовить я ничего, конечно же, не успела, но по дороге заедем в ресторан, купим чего-нибудь к ужину.

– Лично я согласна. Понимаю: октябрь, холодно, на улице ледяной дождь, но в Глашином доме тепло, уютно... Сережа, поехали?

– Ладно, уговорили.

* * *

– Значит, так, – говорил Мирошкин уже в машине, когда они мчались за город, в поселок, где проживала семья Глафиры. – У меня тут нарисовалось еще одно дело. Девочку, Полину Блохину, этой ночью изнасиловали и удушили. Ее тело нашли в парке. В одном ухе у нее была точно такая же сережка, как и та, что вы нашли в квартире Борисова. Как вы думаете, это совпадение?

Лиза присвистнула:

– Ну, уж нет, не верю я в такие совпадения!

– То-то и оно! Но и это еще не все. В сумке Полины, к

счастью, был ее телефон. Обычно преступники избавляются от такой улики, поскольку там могут быть звонки, каким-то образом связанные с ними, но на этот раз телефон не взяли. Среди последних есть и звонок с телефона Дениса Борисова.

– Борисов ей звонил?!

– Да, причем незадолго до ее смерти.

– Это просто невероятно! – воскликнула Лиза. – Нет, это, конечно же, не совпадение...

– А может, с его телефона звонил кто-то другой? – предположила Глафира.

– Конечно, этого мы тоже не можем исключить. Но какое интересное дело вырисовывается! – воскликнула Лиза. – На лицо как бы конфликт пасынка и отчима, попытка убийства отчима, исчезновение пасынка, его следы в квартире отчима... Мы бы так и крутились вокруг этого семейного конфликта, подыскивая общий знаменатель в этом деле, выискивая подлинный мотив, заставивший мальчика поднять руку с ножом на Борисова, и тут вдруг – эта сережка, телефонный звонок! Очень интересно! Сережа, когда это сделали – позвонили с телефона Борисова Полине?

– В десять вечера, а смерть ее наступила приблизительно в полночь.

– Ей еще кто-нибудь звонил?

– Да. Ты не поверишь: отец!

– А она кому-нибудь звонила?

– Да, и тоже отцу. В половине двенадцатого ночи.

– Сережа, у тебя такой странный голос, словно ты говоришь о звонке с того света... – сказала Лиза. – Подумаешь, позвонил отец или она позвонила отцу!

– Да в том-то и дело, что никакой отец ей не звонил! На имя отца, Блохина, оказывается, зарегистрированы три номера, то есть три телефона. Он взял с собой один, которым благополучно пользуется в Евпатории, названивая по местным номерам. Сауны, рестораны, местные жители, с которыми эта пара, вероятно, подружилась... Один телефон отключен, а вот третий как раз и проявился в нашей истории.

– Так значит, им кто-то воспользовался, – сказала Глафира.

– Очень ценный вывод, – улыбнулся Мирошкин. – Только вот кто?

– Быть может, попытка убийства Борисова и убийство Полины Блохиной как-то связаны между собой? Но только уж каким-то очень сложным образом, – сказала Лиза. – Ну не вижу я точек соприкосновения этих двух совершенно разных людей.

– Полина была изнасилована. Причем довольно-таки жестоким образом. Примерно за сутки до смерти. А может, и позже.

– Быть может, она была беременна? – предположила Глафира.

– Нет, не была. Гера Туров предполагает, что у девочки был вообще всего один половой контакт. Причем весьма

травматичный.

– Получается, что она – частый гость клуба, тусовщица – была девственна?

– Да. За ней присматривали родители, в частности отец. Он всегда приезжал за ней. Свидетели утверждают, что все окружение Полины к этому уже привыкло, поэтому никто не позволял себе в отношении нее ничего лишнего.

– Родители уехали, и кто-то воспользовался этим. Кто же?

– Тот, кто воспользовался, тот потом ее и убил, – сказал Сергей. – Мне кажется, Макс может знать что-то о Полине. Возможно, он был свидетелем этого преступления или того, что ему предшествовало. Или же он каким-то образом связан с ранением отчима. Не представляю, где мы можем его найти?

– Надо установить слежку за его другом, Капитаном, – сказала Лиза. – Он может, конечно, утверждать все, что угодно: он, мол, понятия не имеет, где скрывается Макс. Но на то он и друг, чтобы защищать его. Уверена: он точно что-то знает! И если даже предположить, что Кап не знает, где Макс, то уж точно он в курсе того, что произошло с Максом накануне его исчезновения. Сережа, ты был в больнице, разговаривал с хирургом Борисова?

– Да, был. У Борисова все без изменений. Как только он придет в себя, мне тотчас позвонят, чтобы я смог побеседовать с ним. И там же, в больнице, я встретился с его женой, Вероникой. Сообщил ей, что в квартире ее мужа были обна-

ружены отпечатки пальцев ее сына, но она не растерялась и сказала, что Макс бывал там... Когда же я заявил, что следы его пальцев остались на ноже, она растерялась, расплакалась...

– Но если на ноже следы Макса, тогда он – первый подозреваемый... – сказала Глафира. – Все, приехали. Предлагаю отложить этот разговор до утра...

– Как темно, тихо и дождь... – задумчиво произнесла Лиза, обнимая себя за плечи, словно дождевые капли забрались под ее свитер. – Но окна твоего дома светятся так, словно там светит солнце...

Глафира вышла из машины, отворила ворота, пропуская автомобиль во двор, под навес. Сад, окружавший большой каменный дом, казался черным, безжизненным, мрачным. Пахло горькой осенней листвой, гарью от осенних костров и еще чем-то неуловимым, сладким, яблочным...

– Смотрите, окно в кухне распахнуто, – воскликнула Глафира, помогая Мирошкину вытаскивать из багажника пакеты с ресторанной едой. В воздухе запахло кухней, жареным луком, мясом. – Чувствуете, яблоками в саду пахнет? Это Дима с мальчишками печет шарлотку, точно вам говорю! Идемте скорее, а то вы промокнете...

Глава 8

Соседка, Дарья Ивановна

– Привет, Марина, это я... Как ты, температура спала? Ну и хорошо. Я чего звоню-то! Поговорить надо. Мне кажется, я преступление совершила! Ты же помнишь, я рассказывала тебе, как моего соседа, Дениса Ивановича, зарезали? Да нет, он не умер, слава богу. Он очень хороший человек, положительный. От него в свое время жена ушла, вертихвостка такая, зараза, Катька... Так вот. Он снова женился. Я видела его жену, такая приятная с виду женщина, вежливая, всегда со мной здоровалась. Но жили они у нее, вместе с ее сыном, я его тоже видела, его Максом зовут. Понимаешь, Марина, в ту ночь, когда его зарезали, мне позвонили в дверь... Было очень поздно, но точное время я вспомнить не могу, я тогда уснула на диване перед телевизором. А когда в дверь позвонили, я вскочила – не пойму, где я, что я, ну, спросонья была, понимаешь? Подошла к двери, спросила: «Кто?» Мне никто не ответил. У меня, как ты знаешь, в двери глазок, я посмотрела: на лестничной площадке – никого. Ну я и открыла, так, на всякий случай, чтобы проверить, приснился мне этот звонок или нет, мало ли... Открываю я и вижу, что дверь напротив меня, ну, то есть дверь в квартиру Дениса Ивановича, открыта... Не совсем, но – приоткрыта. И

я испугалась, понимаешь? Я что-то почувствовала! Мне бы подойти, к примеру, позвать: мол, Денис Иванович, это вы? Или вообще сразу полицию вызвать... Но я, повторяю, испугалась. Сама не знаю чего. Подумала еще, что сосед мой пошел мусор выбрасывать, у нас же сейчас все мусоропроводы забили, чтобы крыс не разводить, и теперь мы выбрасываем его в баки, за домом. Вот я и подумала, что он пошел мусор выносить, а дверь специально оставил приоткрытой... Хотя нет, Марина, вру я тебе все... Денис Иванович не такой дурак, чтобы ночью дверь оставлять открытой! Это все наше равнодушие, мое равнодушие и трусость, я тебе честно признаюсь... Словом, я подумала: моя хата с краю – ничего не знаю. Вернулась домой и легла спать. Даже лицо кремом намазала, представляешь? Не забыла о себе, любимой, позаботиться. А Денис Иванович в это самое время кровью истекал... его уже тогда прирезали, и он лежал. А тот, кто это сделал, позвонил в мою дверь, я теперь так понимаю, для того чтобы соседа моего побыстрее нашли... Как – что?! Да если бы я позвонила в полицию ночью, его могли бы спасти и он не потерял бы так много крови. Да нет, говорю же, он еще жив, иначе я бы знала... А следователю я сказала, что мне позвонили в дверь вечером, мне неудобно было признаться в том, что я, увидев дверь открытой, спокойно легла спать... Но вообще-то это не главное. А главное заключается в том, что я знаю, кто его зарезал. Знаю, и до сих пор никому не сказала! Сказать? А ты точно никому не расскажешь? Да, я

понимаю, что у тебя температура и ты мало с кем общаешься... Марина, дело в том, что ночью, чтобы проверить, был звонок или нет, я выглянула в окно — у меня же кухонное окно выходит как раз на улицу. Я даже свет не зажигала, ну, чтобы меня с улицы не увидели... А там, внизу, возле подъезда, горит уличный фонарь. Его, кстати, недавно отремонтировали, раньше-то была темень во дворе, а сейчас светло, как днем. Так вот. Я видела его, этого человека! Этого парнишку. Это был Макс! Я узнала его. Он пулей вылетел из квартиры Дениса Ивановича, но перед этим позвонил мне — мол, откройте, загляните в его квартиру... Да, я так думаю, что это он своего отчима и зарезал... Нет, не рассказала, в том-то и дело, что следователю я ни словом не обмолвилась. И не потому, что я чего-то боюсь. Я так подумала: не мое это дело! Денис Иванович-то жив. Да и не факт, что Макс его и зарезал. Он мог прийти к нему, а тот уже ранен был, Макс испугался и деру дал. А что, думаешь, такого не могло быть? Короче, я не знаю, что мне делать! Что? А... Ее Вероника зовут. Думаешь? Встретиться и рассказать ей? А что, это идея! Она-то зла своему сыну никогда не пожелает, зато будет знать, как себя вести. И все же... Ой, прямо не знаю, что делать... Как правильно поступить? Думаешь? Ладно, наверное, я так и сделаю. Вот прямо сейчас и поеду к ней. Они живут рядом с университетом, там, где биологический факультет, там Кристиночка моя училась, а потом я там неподалеку как-то увидела Дениса Ивановича, он и показал

мне дом, где теперь живет. Номера квартиры я не знаю, но не думаю, что в этом доме проживает несколько Вероник с Максимами. Я ее найду, ты знаешь! Марина, я на обратном пути заеду к тебе. Привезу аспирин, ты же вчера говорила, что у тебя закончился? И банку с малиновым вареньем сейчас положу в сумку. Небольшую, мне же через весь город ехать.. Уф... Не знаю, что из всего этого получится, но ты правильно мне посоветовала... Ладно, дорогая моя подружка, дождись меня... Знаешь, я по дороге курицу куплю и суп тебе сварю, когда приеду. Ну, все, пока, пока...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.